

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Базылев В.Н.
Москва, Россия

ПОЛИТИКА И ЛИНГВИСТИКА: «ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ...»

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. *Историографическое аналитическое описание феномена криптолингвистики – парадигмального (т.е. обладающего философскими основаниями, методологической базой, методическими приемами и историческими корнями в лице авангардной советской лингвистики 20-30-х гг. XX в.) способа исследования языка с ярко выраженными политическими целями. Тексты, созданные в рамках криптолингвистики, рассчитаны на широкие слои читающей публики, в основном на молодежь; активно пропагандируются (напр. М.Задорновым). Исследование криптолингвистики выводит нас в сферу современного вненаучного знания (духовно-практического и практически-политического), в сферу языковой игры и бельсайнтистики.*

Ключевые слова: *криптолингвистика, неклассическая эпистемология, вненаучное знание, духовно-практическое и практически-политическое знание, литература формальных ограничений, наррадизма.*

Сведения об авторе: *Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор.*

Место работы: *Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина*

Контактная информация: *123056, г. Москва, ул. Красина, д. 7, кв. 126.*

E-mail: *vladimir@4unet.ru.*

Наука о языке теперь уже прошлого для нас века создала систему понятий, призванную обобщать, интерпретировать и дешифровать окружающий человека вербальный и невербальный мир, переводя последний в план вербального. При этом дешифровочные символы, разработанные вне реального мира, гипостазированы, т.е. превращаются в самостоятельные автономные сущности. Те понятия и символы, которые были выработаны для обобщения окружающего мира, в пространстве языка превращаются в некие магические сущности, управляющие этим миром. Вообще, для лингвистики XX века характерна вера в некие «ключевые» языковые (речевые) феномены, которые управляют всем. В бытие языка должны быть некие, считают лингвисты, а вслед за ними другие, скрытые возможности, доступ и овладение которыми обеспечивает власть над миром. Для сегодняшнего времени стало типичным представление о языке как о некоей встроенной в нашу вселенную, в человека, в общество (т.е. в микро- и макрокосм) системе управления и регулирования. Наверное, это вытекает из сути использования языка (пользования языком) как особого метода познания мира [Степанов 1995: 7-34]. Следует также учитывать, как это предлагает А.Д. Васильев,

Bazylev V.N.
Moscow, Russia

POPLITICS AND LINGUISTICS: «GREAT AND POWERFUL...»

ГЧТИ 16.21.27

Kod BAK 10.02.01

Abstract. *The present historiographical analytical description is devoted to the phenomenon of cryptolinguistics. That is the way of research into national language (also known as «linguofreak») characterized by outspoken political purposes, with its own methodology and tradition i.e. Soviet vanguard linguistics of the 20-s. The texts created within cryptolinguistic tend to address to wide range of readers, mainly the young. They are intensively propagated and lead to the sphere of contemporary extra-scientific knowledge i.e. spiritual-practical activity and practical-political activity, language games and belles-sciences.*

Key words: *cryptolinguistics (linguofreak), non-classical epistemology, extra-scientific knowledge, spiritual-practical activity and practical-political activity, language games and belles-sciences.*

About the author: *Bazylev Vladimir Nikolaevich, doctor of philology., professor.*

Place of employment: *The Pushkin State Russian Language Institute.*

весьма специфический характер языковой ситуации, складывающейся в России в период перманентного всеобщего реформирования (от системы государства до системы образования), и по сей день остающейся не вполне сбалансированной. Справедливо, что современная российская языковая ситуация не может быть осмыслена без анализа изменений в общественном и личностном сознании [Васильев 2008: 160 сл.].

Вера в существование подобных скрытых систем управления проявляется как представление о тайных сверхъестественных силах, присущих языку. Такого рода философские представления о языке можно назвать криптолингвистикой (Криптолингвистика – это термин, предложенный мной и образованный по модели: крипто- (от греч. *kryptós* – тайный, скрытый), часть сложных слов, указывающая на к.-л. скрытое, тайное действие или состояние, например, криптозоология, криптоистория, криптометрия, криптография и т.д. Следовательно, может существовать как термин и «криптолингвистика». Но уже существует и автотермин (у таких авторов как Драгункин, Образцов, Алексеев и др.). М. Задорнов вслед за ними популяризирует его: «лингвофрическое описание языка» (от англ. *freak*) (см., напр., сайт *lingvofreaks*.)

parod.ru/zadornov)). При этом надо помнить, что в любой философии языка воплощается определенный тип исторического мышления.

О том, насколько распространены в современной социальной мысли подобного рода криптоконцепции, может свидетельствовать нижеследующий критический пассаж, направленный Славоем Жижекком против современной западной леволиберальной мысли: «Если традиционные культурологические исследования критикуют капитализм, то делают они это в соответствии с типичными кодами голливудской паранойи: враг – это «система», скрытая организация, антидемократический заговор, а не просто капитализм и государственные аппараты. Проблема этой критической установки не только в том, что она подменяет конкретный социальный анализ борьбой с абстрактными паранойальными фантазиями, а в том, что – в совершенной паранойальной манере – она без необходимости удваивает социальную реальность, как если бы за «видимыми» капиталистическими и государственными органами стояла тайная Организация. Нужно признать, что нет никакой необходимости в существовании «организации в организации», заговор уже присутствует в самой «видимой» организации, в капиталистической системе, в том, как функционируют политические пространства и государственные аппараты» [Жижек 2003: 21].

Следует, наверное, различать альтернативно-историческую лингвистику (кондициональную лингвистику) и криптоисторическую лингвистику [Базылев 2004: 45]. В первом случае, придумываются новые, не бывшие в реальности исторические события языкового существования, во втором – лингвист придумывает фантастическое объяснение уже существующих исторических языковых событий (явлений). Но у обоих этих направлений современной лингвистики имеется серьезное методологическое сходство. В основе исследований альтернативной истории языкового развития лежит принцип так называемого контрфактического моделирования. Описываются события, которые могли произойти в прошлом, при условии, что то или иное событие не свершилось бы. С точки зрения методологии познания, криптолингвистика – это борьба с однофакторными моделями процессов – и в защиту многофакторных моделей [Фрумкин 2004].

Гуманитарные науки, в т.ч. лингвистика, еще не открыли закономерностей, железная непреложность которых была бы очевидной для массового сознания. Соответственно, и игнорирование мнения этих наук не производит отталкивающего впечатления на читателя. Гуманитарные науки, в т.ч. лингвистика, стремятся к объяснению мира, что неизбежно порождает мифологию. Мифология возникает из попыток объяснить мир с помощью воображения. Воображение, находящее свое воплощение в

мифологических образах, – это форма теоретизирования. Мифология – это произведение объяснительного воображения. Создается идеальная, воображаемая модель действительности. После того, как у нас есть воображаемые образы, мы имеем материал, которым можно манипулировать. Чистая фантазия, таким образом, является производной от репродуктивного воображения. С образами реальности можно работать как с материалом, их можно сознательно искажать. Речь идет о преодолении человеком своей скованности и пассивности в рамках пассивного отражения действительности, т.е. речь идет об открытии вымысла. Именно поэтому, с точки зрения наших современников, возможно изменение взгляда на историю, например, государства, которое так привычно называлось в школьном учебнике Киевской Русью. А.А. Бычков, опираясь на им самим признаваемую утерянную «Моравскую хронику», скандинавские саги, иранские сказания, свидетельства немецких историков, а также книги греческих и латинских авторов, делает поразительный вывод: никакой Руси не было. А заученная из школьных учебников «истина» – это не более чем легенды и сказки [Бычков 2006].

Откроем серию книг, которую можно охарактеризовать как относящуюся к криптолингвистической литературе начала нынешнего века. Одна из них имеет характерные подзаголовки: «Раскрыт великий секрет первородного русского слова. Найден лексический слой начала цивилизации». В начале книги читаем: «Начнем, благословясь! Начнем нашу былинную повесть о русском слове. Начнем заново, без оглядок на догматические заплоты. Новые времена требуют новых подходов в любой науке, в том числе и языковедческой, в которой догмы прошлого века караулили с ружьем наперевес каждую нестандартную мысль. <...> А что нынешняя наука? Перепевы, пересказы уже говоренного. Когда нечего сказать, ссылаются на авторитеты <...>. Сегодня мы открываем великую тайну русского первородного языка <...>. Почему мы так чтим святого Николая Чудотворца? Да потому что озарение к нам пришло вскоре после того, как мы прикоснулись к его святым мощам. Порой сложные догадки приходили сами по себе, с помощью какой-то неведомой нам интуиции. Это не суеверие, это вера в сокровенные тайны, таящиеся в окружающем нас мире, вера в святую истину....» [Писанов 2008: 3].

Открываем другую книгу и читаем: «Празднование 2000-летия христианства на Руси сопровождалось чествованием христианских святых Кирилла и Мефодия, считающихся создателями славянской письменности. До настоящего времени, однако, по вопросу о существовании в дохристианские времена письменности на Руси продолжают горячие дискуссии. И не

без основания. <...> Русская Православная Церковь твёрдо стоит на том, что христианство в лице святых Кирилла и Мефодия «принесло свет в языческую тёмную Русь... <...>. Современные российские исследователи утверждают, что древнейшие документы написаны на одном языке. Путём расшифровки древнейших текстов они доказывают, что этим *единым языком* по своей грамматической структуре и коренному словарному составу является *древнеславянский (древнерусский) язык*. На основе единого древнерусского языка была создана письменность этрусков, Древнего Египта и Индии, жителей острова Пасхи и других древних народов.<...> Результаты их исследований показывают, что древнеегипетским жрецам были известны все буквы современного русского алфавита (за исключением «Э», «Ъ», «Ь»)» [Плешанов 2002: 17-22].

Читая это, можно согласиться с М. Мерло-Понти, что «язык не до конца прозрачен: он нигде не отступит, чтобы дать место чистому смыслу, он всегда ограничен только языком» [Мерло-Понти 2001: 47]. Однако надо различать смысл, предположительно содержащийся в тексте, и смысл, который, безусловно, возникает в человеке, – а не в тексте, – но под влиянием текста. Само человеческое восприятие, по сути, представляет собой первичное воображение. А воображение есть ориентация человеческого сознания на отсутствующую в данный момент реальность. Также вполне уместно было бы напомнить, что чтение является не только открытием, но и изобретением, созданием смысла литературного произведения. Создаваемый литературным произведением мир сводится к тексту и существует лишь в рамках текста; в литературе возможные миры – это лишь различные тексты, и мир есть текст. Текст представляет собой рабочий код. Текст содержит систему стимулов для воображения, он направляет его. Культуру и текст связывает между собой общение человека ради какого-либо блага. Людское море общается ради различным образом понимаемого блага, создавая одновременно множество культур и множество текстов, ради блага передавать истинное знание и любить это знание. Говоря о языке, авторы выстраивают коммуникативные тактики, стремясь удержать людей в рамках текста знания, а люди, слушая это, отвечают коммуникативными тактиками, удерживаясь в рамках данного текста. Тем самым создается университетская, академическая культура, культура передачи знания или науки. Нельзя просто пренебречь законами научного текста, перейдя на другой язык, нельзя также поменять место текста в культуре. Эта точка зрения принадлежит В.В. Меликову, который очень удачно описывает ситуацию, сложившуюся в современном гуманитарном знании, в т.ч. в лингвистике [Меликов 1999: 60]. Я продолжу его размышления, приведя вначале краткий пример – на много-

миллионную аудиторию телезрителей пользующаяся авторитетом личность произносит следующий текст: «Интересно, на том месте, где было больше всего берлог в Европе, теперь находится город Берлин. Традиционные историки не знают происхождения названия столицы Германии, потому что им в голову не приходит, что вся Европа была заселена единым праславянским народом, который говорил на языке наших предков. Я был на острове Рюген в Балтийском море (по-славянски Руян, пушкинских сказках – Буян). На острове до сих пор сохранилось славянское капище бога Святовита. То есть на всех этих северно-европейских землях жили наши прямые предки. Поэтому многие географические названия в Европе расшифровываются только в том случае, если знать значение корней древнерусских слов. Пруссия – поморская Русь, Сербия – серебряная Русь... На всем пространстве от Вены до Венеции жили венецы. Народ скандов ушел в невидимый мир полярной ночи – нави! Образовалась Скандинавия. Лондон – лоно на Дону. Слово «дон» означало река. Часть Великобритании, Уэллс, названа в честь славянского бога Велеса. Помимо множества своих обязанностей, Велес еще отвечал за домашний скот. Поэтому место, неподалеку от Уэллса, где поклонялись Велесу и разводили скот, было названо Скотландия... Этот список можно еще продолжать» [Задорнов: zadornov.net]. Обращая внимание на то, что М.Задорнов выступает в данном случае не как сатирик, но как историк и писатель. Он не пародирует, а пропагандирует. Достаточно указать на такие признаки пропагандистского жанра, как его участие в передаче Гордона на Первом канале ТВ, или проведение встреч, посвященных рассказу об идеях лингвофрического описания языка.

Я сознательно привожу такой «абсурдный» – с точки зрения «академически воспитанного» историка, филолога, культуролога, журналиста и любого другого гуманитария – пример, чтобы высветить некоторые важные моменты своего рассуждения о данном тексте. Что происходит в данном случае, если мы разберем этот случай на языке науки? Происходит «борьба» текстов. Текст в виртуальном событии выступил в одной из главных своих ролей – место-держателя культуры. Своими коммуникативными тактиками, своей формой текст удерживает общение и благо вместе, буквально «в месте» культуры, в рамках разумно-духовной целостности. И, совершенно закономерно, что происходит столкновение текстов, в котором побеждает тот, кто в состоянии удерживать культурную целостность или предложить такие коммуникативные тактики, которые представляются субъекту адекватными данной культурной целостности. Такие столкновения текстов происходят постоянно, в том числе и в микромире культуры, на уровне индивидов, и в макромире культуры, на уровне больших людских

общностей, этнорегиональных групп, государств. Человек должен повторять затверженный текст, если он хочет быть «своим» по отношению к культуре. В том случае, если он не воспроизводит текст, принятый культурой, как считает В.В. Меликов, возникает конфликт на уровне индивидов или на уровне микрообщности [Меликов 1999: 61].

Именно такой конфликт – когнитивный конфликт – возникает в среде профессиональных филологов, когда они читают следующие строчки: «В Библии в книге Пророка Иезекииля есть одно знаменитое место, споры вокруг которого идут до сих пор. В синодальном переводе оно звучит так: «Обрати лицо твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фуфала...» (Иезекииль 38: 2-3, 18 сл.). Рош упоминается также и в книге Бытия (46:21). О Гоге и Магоге говорит Апокалипсис (20:7)... По мнению некоторых средневековых хронистов, Гог и Магог – это готы и монголы. Например, в XIII в. венгры считали, что Гог и Магог – это татары. По сообщению Карамзина, название Гог и Магог относилось некоторыми историками к хазарам... Наша гипотеза очень проста. Под словом Рош или Нос имеется в виду Русь. Кстати, в западноевропейском восприятии слово «Россия» пишется, например, по-английски как Russia и читается как Раша, то есть все тот же Рош. Под словом Мешех имеется в виду Мосох – легендарная личность, по имени которого была названа Москва (как считали средневековые авторы). Под словом Фуфал имеется в виду Тобол (в Западной Сибири, за Уралом). Дело в том, что «ф» (фита = тэта) может читаться и как «т» и как «ф», а звук «в» часто переходит в «б» и наоборот (из-за двойного прочтения греческой виты = беты). До сих пор Тобол и Иртыш – один из центров казачества. Впрочем, отождествление Фувала русского синодального перевода Библии с Тоболом не нуждается в рассуждении о различном звучании «фиты». Берем английскую Библию и смотрим, как в ней переведен «Фувал». И видим: Tubal, то есть попросту Тобол! Гог назван «главным князем (= принцем)» в земле Магога, Мешеха и Тубала (Тобола)» [Носовский, Фоменко 2000: 107-109].

Или такие: «Традиционалисты в установлении этимологии индоевропейского слова “рыба” дошли до корня “*resc**” – и остановились, потому что для того, чтобы идти далее, у них не хватило “общего и среднего образования” и/или смелости! Из “*resc**” со временем получилась и fish (р → f и sh → ск, и греч. (р+)ichthios), а вот откуда появилась сама *resc**? Давайте предположим, что встает утром рано древний человек и идет, естественно, к речке... Кого первым делом он видит в ясное солнечное утро, наклонившись над чистой водой средне-русской речки с пес-ч-аным дном? – На фоне пес-ч-аного дна (= пес-ч-а) он видит различных рыбок... Как он может их назвать? Разве не

“песк-арями”?! А потом, естественно, это название он для начала распространил и на всех рыб. А еще потом русское слово песк-арь потеряло окончание и уже как общий корень *resc** было унесено в Европу отколовшимися / мигрировавшими праславянами / праевропейцами, у которых стало означать уже “рыбу” вообще. Для меня, учитывая мои открытия – костяк согласных, постоянные соответствия и реконструкция – слово “р-ы-б-а” – это просто претерпевшее метаморфозы русское праслово “п-лыва” (“п-лы-ва” / “плот-ва” / лат. s-prat-tus / англ. s-praf). А литовское слово žuvis «рыба» не имеет никакой этимологии без насыщенного смыслом русского слова «живец» и прарусского зъв! Поэтому гораздо вероятнее, что сначала человек назвал всех этих “живых” существ зъвами, потом “п-лыв-ами/рыб-ами” (по самому главному их признаку), а потом выделил и самый многочисленный их отряд по другому (вторичному) признаку – по “песку” – ведь, пожалуй, только на фоне “песка” рыб в воде и можно хорошо разглядеть. А еще потом это название распространилось (с уходом от нас “отрядов” пранародов) и на всех рыб вообще!» [Драгункин, Образцов 2005: 327-330].

Создание подобных текстов связано с тем, что человек интересуется описанием намерений, равно как и любого другого субъективного состояния – все это, конечно, лишь частный случай еще более общей ситуации, когда реципиент оказывается неспособным понять намерения создателя символической (знаковой) формы, возникающей из асимметрии процессов ее создания и интерпретации. Создатель символа, т.е. создатель языка, может руководствоваться мотивами, которые в самом символе не вычитываются или вычитываются не полностью. Интерпретатор может легко поддаться смысловым ассоциациям, порожденным внешним видом символика. Но поскольку «читатель» все-таки как-то интерпретирует символика, то у последней возникает «поверхностный», «буквальный» смысл, возникающий из ошибок интерпретации. Буквальный смысл символика вполне может не соответствовать реальности – тем более, что он уже не соответствует тому исходному смыслу, который в символическую форму вложил ее создатель. Отсюда следуют и типичные причины сбоев в «миросозидательной» работе языка: наличие в языке противоречий, не позволяющих вообразить мир целостным; наличие в языке знаков, не обладающих для человека (определенным) значением; наличие в языке тропов, переключающих внимание человека с содержания на форму.

Язык (его существование) нацелен на дешифровку окружающего мира. Но сам по себе язык как феномен, который доступен нашему восприятию, недостаточен как опыт (попытка) дешифровки. Его самого нужно особым образом прочесть и расшифровать, дабы извлечь

необходимый нам смысл. Правда, в современной философии пока большим уважением пользуются теории, отрицающие наличие у вещей и текстов какого-либо «подспудного» смысла и сводящие мир к совокупности «поверхностей». Такова феноменология, которая отказывается делать суждение о субстанциональности феноменов, таков же постмодернизм, сводящий смысл текста к отсылке к другому тексту [Антология... 1998].

Процедуры дешифровки, при всем их разнообразии, обладают одним общим свойством – они механически увеличивают количество данной человеку информации. За всем этим проглядывает своеобразная жадность человеческого разума – все, что ему дано, оказывается недостаточным, ко всякому данному необходимо дополнение, и дешифровка есть имеющийся у разума способ дополнить данное, опираясь исключительно на собственные силы. Порою создается впечатление, что в окружающей нас культуре все, что непосредственно находится перед нашими глазами, интересным быть не может, истинная ценность невидима либо, в крайнем случае, находится на периферии нашего кругозора. Можно говорить о действующем в мировой культуре принципе примата невидимого. Он формулируется очень просто: тайное важнее явного. Более того – тайное, как правило, управляет явным.

Об этом будет сказано в книге Л.П. Писанова и В.Л. Писанова так: «У каждого слова есть свой генетический код, который унаследован от понятий-первопредков. Само слово рассказывает о своем происхождении. Среди диких перволюдей могли появляться свои гении, которые первыми начали создавать звуки в помощь жестам... Затем звуки стали складываться в некую систему, что послужило основой для взаимопонимания... Сегодня вполне возможно выделить слова из того словарного состава самых древних, которые подобно археологическим окаменелостям все еще существуют и в современном языке... До нас дошел язык хотя и измененный, но тот самый, что произносили наши предки задолго до письменных времен... Наши прапращуры говорили на том же языке, на котором сегодня говорим мы... Откуда взялись самые разные слова, например: знак, столица, береза, кладбище, уголовник? Мы впервые называем истинное происхождение многих русских слов, славянских слов... Мы открыли великолепное «подземное» царство русской речи...» [Писанов 2008: 7].

А книга В.В. Колпакова и Г.Д. Колпакова «Звуковая лингвистика для всех. О смысле звуков, букв и слов человеческой речи» начинается с эпиграфа на титульном листе – с цитаты, отсылающей к Библии, и таким образом оправдывающей, определяющей, мотивирующей и освящающей весь лингвистический труд авторов: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог (Иоанн I-1)»; «На всей

Земле был один язык и одно наречие (Бытие XI-1)». Далее дается ссылка на Святых Кирилла и Мефодия и говорится: «Все звуки, перешедшие во все языки с неизменным смыслом, происходят из одного первого языка, и либо придуманы самим Адамом, что менее вероятно, либо получены им свыше еще в Раю, то есть переданы ему готовыми от самого Бога, что более вероятно... В предисловии говорится также, что «разгадан смысл звуков человеческой речи. Звуки произошли от одного первого языка, который был на Земле до строительства Вавилонской башни, и возможно даже был получен Адамом в готовом виде еще в Раю... Позднее разными народами из этих звуков первого языка были составлены, как молекулы из атомов, все слова различных языков планеты. Смысл самих звуков при этом не изменился. Зная его, можно легко понять звуковой смысл любого слова из любого языка Земли» [Колпаков 2002: 2, 7, 9, 14].

Учения о таинственном имеют солидную историю в мировой философии – от *идей* Платона, которые может видеть лишь *бог*, до *вещей-в-себе* Канта, которых не может видеть никто, но которые являются трансцендентным источником *вещей-для-нас*. Весьма откровенной формулировкой этого принципа как гносеологической нормы стало истолкование понятия истины Хайдеггером, который, как известно, утверждал, что истина – по-гречески «алейтея» – это нечто скрытое, и задача философа заключается в том, чтобы разоблачить, вывести ее на свет из сокрытия. Но, наверное, наиболее эксплицитная и наиболее сочувственная формулировка данного принципа принадлежит Фридеману Шварцкопфу, который писал: «Задача человеческого понимания заключается в том, чтобы действительность предстала проникнутой чем-то, что и есть неданное, причем это неданное есть не что иное, как «логос», формирующий принцип действительности. <...> Человеческое же «логосоподобие» проявляется в способности придавать значение, прибавлять нечто к уже сказанному» [Шварцкопф 2000: 136].

Таким образом, речь идет, как я уже говорил, о своеобразной дешифровке. Парадокс в том, что среди нуждающихся в дешифровке кодов человек чувствует себя гораздо уютнее, чем в мире пророчеств, претендующих на предельную ясность. Возможно, здесь сказывается то обстоятельство, что в момент дешифровки человек становится хозяином положения, и он может изменить характер толкования в соответствии со своими желаниями. Не будучи в силах изменить знаки, человек легко меняет их значения. Если понять дешифровку как творческий акт, то в момент дешифровки человек становится творцом новой Вселенной [подробнее см. Кутти 1990].

Именно это можно наблюдать по основным современным криптолингвистическим текстам. Приведем несколько конкретных примеров.

«Слог | (далее | в современном произношении – й, я, ё, ю, а, о, -ня, -ну, -ва) – изначальный звук, но в то же время и слог, не вполне согласный, но и не гласный, сочетает мягкость с твердостью и представляет всю Вселенную, а потому является обобщением всех энергий (стихий), как мужских, так и женских. Соответственно в рунах передается самым простым, можно сказать, изначальным знаком – чертой. Двойной || ii (йй), – означает Вселенную, соответственно iikъ (в современном русском языке – яйцо) – это миниатюрная округлая копия Вселенной. Человек как микрокосм, созданный по образу и подобию, называет себя одним | – я, древнерусские варианты – я, язъ, южнославянский (церковнославянский) вариант – азъ. <...> С этой руны начинается слово алатырь (из iitърь), в церковно-славянском произношении – алтарь, в западноевропейских языках – altar. Само слово обозначает «вселенское движение энергий». <...> Бел-горюч камень Алатырь символизирует центр нашей Галактики – Млечного Пути. Почему млечного? Потому что, когда молоко коровы Земунь (нисходящий энергетический поток из центра Вселенной) льется на Алатырь (центр, ядро Галактики), оно (молоко) расплескивается вращательным движением (коло-вращением), образуя молочные реки (свастичные звездные рукава) и кисельные берега (темные полосы газовых туманностей) Млечного пути (нашей Галактики). Поскольку с осознанием себя как сущности возникает некое отделение себя от окружающего мира и разделение окружающего на свое и чужое, | обозначает также и принадлежность. Конечные в, н, нь в суффиксах -ов, -ин: Соколов, Галкин, и в корнях слов: день, тень, лень, плетень также образуются из | и обозначают принадлежность какому-либо существу либо качеству. <...> От | происходит окончание повелительной формы глаголов: дай, беги, летай – в грубом переводе на современный язык – «имей да; имей бег; имей лёт!»). | является начальным слогом самого первого глагола itъ (изменившегося затем в -ять, -ить, -нуть), обозначающего принадлежность к какому-либо качеству, либо его приобретение, являясь составной частью великого множества глаголов: делать и девать из де-ять; давать из да-ять, веровать из вера-ять и т. д...» [Корелин 2008: 23-25].

Криптолингвистика противопоставляет дискурс осведомленности и посвященности дискурсу анализа. Чтобы понять исторические события, связанные с языком (эволюционные события), не важен никакой анализ тенденций и фактов, надо познать тайну языка; не обобщать рассеянные факты (это уводит нас и лингвистику в дурную бесконечность), а выявлять концентрированные компактные субфеномены.

Дискурс осведомленности считает язык уже обработанным некой разумной силой так, что в нем, как в рукотворной машине, выработались управляющие подсистемы, в то время как дискурс анализа считает язык феноменом, более близким к природе и в историческом масштабе неуправляемым.

Поэтому и сожалеют авторы: «Читая труды О.Н. Трубачева, понимаешь, какая колоссальная творческая энергия затрачивалась на поиск родословной каждого исследуемого слова. И сожалеешь, что происхождение многих слов с помощью нашего метода можно было бы обнаружить и проще и точнее. Особых доказательств не требуется. Мы возьмем самые наглядные примеры... Восстановим знаменитое слово Москва-река в его истоках. Гидроним МОСКВА – НОСО-КО-ВО: НОС – носить, КО – к, ВО – река ОКА, в которую впадает Москва-река, она называлась ВОКА – обязательное начало с согласной. Все было много обычнее, чем мы думаем сегодня, накручивая сотни разных смыслов. НОСЯЩАЯ К ОКЕ – вот так просто расшифровывается слово МОСКВА – НОСКВА, в которой «лишнее» О сократилось [Писанов 2008: 199].

Это своего рода связь с традицией – отсюда и основная заявка авторов: «Мы открыли великую тайну русского слова. Это не самоуверенность. Это факт. Корифеям русского языка трудно поверить в то, что они всю свою творческую жизнь прокладывали дороги вдали от истины. Для них лучше не признать «чужое» открытие, чем признаться в том, что они шли своим, но ложным путем <...> Попытки, предпринятые под руководством О.Н. Трубачева, заслуживают внимание – как попытки.<...> Мы проанализировали множество публикаций по истории языковедения, но ничего подобного нашему методу реконструкции древнего слова не нашли <...> В нашем методе начисто отсутствуют так называемые заимствования, мы отбросили индоевропейский миф на забаву любителей. Все это нам ни к чему <...> Этимология – наука, которая может найти значение слова в момент его первоначального состояния. Именно этого мы и добились, как это ни самонадеянно звучит <...> Наш метод дает не только неожиданные, но и ошеломляющие открытия, которые расшатывают коренные представления о происхождении языка <...> Великое достижение – человеческое слово. Однако произошла некая его фетишизация. Слово – это последний, завершающий этап глобального развития языка. Праславянская лексикология зиждется на понятиях, и этот язык – еще без слов – существовал тысячелетия. Поэтому изучать язык, не вникнув в его глубины, дело бесперспективное. Конечно, трудно поверить, что тысячелетия славянский язык состоял всего из 12 звуков. Но это так. Неожиданно для себя мы открыли генетические элементы славянской

лексики. Мы знаем первые звуки-понятия, произнесенные нашими прапредками. Здесь нет фантастики, но есть фантастические факты» [Писанов Л., Писанов В. 2008: 5-6].

Напомню еще раз свою критическую мысль, высказанную ранее: интерпретатор может легко поддаться смысловым ассоциациям, порожденным внешним видом символики, т.е. не увидеть вложенную создателем символов послания за их внешностью. Но поскольку «читатель» все-таки как-то интерпретирует символику, то у последней возникает «поверхностный», «буквальный» смысл, который вполне может быть фантастическим. Подобная фантастика, или фантазирование на тему языка, возникает из ошибок интерпретации. Буквальный смысл символики вполне может не соответствовать реальности – тем более, что он уже не соответствует тому исходному смыслу, который в символическую форму вложил ее создатель.

Действительно, в культуре можно подсмотреть и раскрыть тайну, как в эзотеризме, а можно рассеять ее в миллионах фактов и подробностей, которые можно обобщать до бесконечности. Вопрос в том, какой природы будет эта компактность: компактность концепции, обобщающей разрозненные факты, или компактность факта, признаваемого (признанного) ключевым? У нас – лингвистов – пока нет в руках теории, которая позволяет понимать и предвидеть развитие (эволюцию) языка. И это закономерно: ведь в реальной действительности языковые (речевые) факты существуют в рассеянном виде, и их концентрация в лингвистических теориях и категориях будет неизбежно их искажением, сделанным для нужд слабого разума, неспособного оперировать разрозненными сведениями. Факты языкового существования лингвистам приходится собирать по крохам. Наконец, даже тогда, когда факты достоверно установлены, их интерпретация, понимание движущих сил исторических эволюционных процессов все равно остается предметом запутанных теоретических разногласий, – даже если у лингвистов нет расхождений в описании фактической стороны; впрочем, описание зависит от интерпретации, а та от описания, и это – замкнутый порочный круг, неразрешимая герменевтическая проблема.

«Слабость» науки оказывается «капиталом» в руках криптолингвистов. Неизвестные, малоизученные либо недостоверные зоны истории языка являются наиболее благоприятной почвой для криптолингвистики. Важно понять: криптолингвисты говорят не о тайных фактах языка и его жизни (бытия), а о тайных пружинах языковых событий (механизмах).

Приведем два примера. (1) «Загадки слова больше не существует. С открытием Универсального Семантического Кода становится доступными не только сокрытые значения слов любых языков, но и механизм управления природой на всех ее уровнях. Идет ли речь о

смысле научной или эзотерической терминологии, о смыслах сакральных книг, об этнических культурах или особенностях поведения насекомых или человека – не имеет значения. Все, как выяснилось, проясняется единым кодом и им же управляется. <...> Помимо мира материи есть мир семантики, который состоит из значений и смыслов. Имеются в виду, прежде всего, значения и смыслы слов. Мир семантики, как и мир материи, бывает явленный и сокрытый. Явленный мир семантики складывается из явлений значений слов. Значение – это свойство слова вызывать в нашем сознании образы слов и вещей и некоторые знания о них. Например, если мы слышим слово «карандаш», в нашем сознании возникает образ карандаша, а вместе с ним и то, что мы знаем о нем... Так с помощью слов мы можем передавать наши знания другим людям... Кроме явленных значений имеются сокрытые значения, или этимоны (ср. с термином «атомы»). Далеко не всегда мы знаем, почему данная вещь называется данным словом <...> Раскрытие сокрытых значений. Если что-то непонятно в русском языке, надо прочитать непонятное слово по-арабски. Если что-то непонятно в арабском языке, надо прочитать слово по-русски. Сорока по-арабски означает «воровка», лес – «густой»... Это сокрытые значения слов. Другими словами, сорока в русском языке названа так, потому что ворует, лес – потому что густой... Например, есть в арабском языке слово «ашвал». Оно означает «левша», но никто из арабов не знает, почему оно так называется. Прочитаем арабское слово справа налево (так пишут арабы), получим «левша»... Подобно элементам химии элементы симии (языки) тоже пронумерованы. Вот как раз первым в этой таблице стоит русский язык с номером один, а вторым – арабский с номером четыре. Русский и арабский вместе (РА) соответствуют Солнцу... Солнце дает белый свет, РА дает черный свет... Дело в том, что если белый свет разложить, как это происходит в радуге, то получится семь цветов в таком порядке: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Если соединить красный и зеленый, получится черный цвет. Этим цветом как раз пишется предвечная мудрость. Носители русского и арабского языков, сами того не подозревая, пытаются показать, что и они вместе со своими языками пронумерованы. Русские во всем стараются быть первыми. Арабы считают зеленый цвет священным, и стараются как можно чаще использовать четверку в своих делах: зеленый цвет государственного флага Саудовской Аравии, четыре дозволенные жены, четыре свидетеля в суде, четыре источника мусульманского права...» [Вашкевич 2002: 7-11]. (2) «Выражение «ура». «Ура» — до наших дней сохранилось в качестве боевого клича у русских и у других славянских народов, у англосаксов, германцев, турков с некоторым созвучным изменением — *hurra*

(хурра). Известно, что раньше воины, идя в атаку, выкрикивали *имя своего племени*. Отсюда следует, что эти народы были все из племени ура. <...> «Ура» => «У-РА», то есть «у Ра», «из Ра», «из под Силу дающего», то есть «из-под Солнца», «из солнечного племени». «Ура» и «ари(й)» — звуковые вариации имени одного племенного объединения (народа), возникшего из-за большой территории расселения. <...> Название «Урал» в действительности «ур ал». Древнеславянское слово «ал» — «был», Отсюда Урал — прямое указание, что здесь некогда жили ура. <...> Древнее государство Урарту также включает «ура», но здесь рядом с ним стоит другой народ — ара. Название Урарту означает: «ура-ара ту(т)». «Амур»=«ам ур» => «(т)ам ур». <...> В свое время могучая тюркская империя в период своего расцвета простиралась от Великой Китайской стены до Черного моря. Слово «тюрк» в действительности означает «ти ура => тут ура». Турция — слегка измененное — «Ту(т)-ур-жия». Уругвай => «ура его ваи» => «ура его осно(ва)ли». Парагвай => «(п)ара его осно(ва)ли». <...> За Уральским хребтом начинается Сибирь = «си би ири» => «страна Ири (иров или ура)». Ира были не только за Уральским хребтом, но занимали огромную территорию от Памира => «па им ура» до Тира => «ти ура». Древнейшее государство Ассирия => «аз си ири». <...> Арал (Аральское море) — указывает на другой народ — ара. Восточной границей ара были Канарские острова: «кани ари» => «конец ари», далее через Аравийский полуостров в Армению — к Аралу. При этом, ара-б, ара-бы тоже имеют этот корень. Поэтому древнеарабскую цивилизацию следует считать частью единой — белой арийской расы. У другого конца света стоят индейцы Ауру-кане => «ара и кани». Здесь можно только добавить, что «ар» от «ЪАР» — ключа к расшифровке математической системы русского алфавита и смысловой матрицы русского языка, а [«РА»] = 18 + 1 = 19 => 1 + 9 = «1» (фрактал, отражающий Единство Мироздания, как будет показано далее) не только культ бога «Солнца» у многих народов. Слово «ра», встречается в составе многих современных слов русского языка. Как будет показано далее, «РА» — это высокочастотный код автоматической связи человека с Космосом (на основе использования функции обертон)» [Плешанов 2002: 17-22].

Конечно, криптолингвистическая парадигма отражается в дискуссиях, выходящих далеко за пределы собственно лингвистики, дискуссиях, затрагивающих историю и тем самым политику. Что касается собственно лингвистических дискуссий, то они носят маргинальный характер. Профессиональные лингвисты стараются не обращать внимания на данные публикации.

Для авторов криптолингвистических текстов самое ужасное заключается в том, что с ними никто не хочет полемизировать. Они не

просто воспринимают себя в качестве обиженных и непонятых авторов. Они не столько обижаются, когда их называют графоманами. Нет! Они воспринимают себя мучениками. Один из разделов книги братьев Писановых, которая уже цитировалась, называется «Слово — в прозе прицела»: «Есть те, кто все еще боготворит «ценителей русского языка» (имеются в виду сотрудники Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова) выше всяких святых, в том числе Николая Чудотворца. Находятся традиционные монополисты на русский язык. Не смей думать о происхождении слов не понашенски! Мы написали — и точка! Развелось вас, мыслящих инако... Прошло время, когда вся наша наука шла строем, под конвоем и равнялась на идеологическое знамя. Политические ярлыки заброшены в урны. Что дальше? Станет ли словесная наша наука наукой или скатится к ее суррогату? Опасения есть» [Писанов Л., Писанов В. 2008: 275].

Однако полемизировать стоит. При этом речь должна идти не о специальных дискуссиях по вопросам подлинности или фальсифицированности каких-либо текстов (напр. Велесовой книги). Речь должна идти о научном анализе криптолингвистических текстов.

Одна из таких единичных фундаментальных дискуссионных попыток — это статья А.А. Зализняка в журнале «Вопросы языкознания». А.А. Зализняк пытается проанализировать причины возникновения фоменковского лингвистического подхода, доказать их несостоятельность. При этом он воспринимает сочинения А.Т. Фоменко не как произведения научно-фантастического жанра, или интеллектуальную игру, или пародию, или новое вероучение, а как научную концепцию. В этом случае к ней, как ему кажется, естественно применять принятые в науке критерии доказательной силы того или иного утверждения. А.А. Зализняк правильно отмечает, что подобные, как мы их называем, криптолингвистические тексты встречаются сочувствие у определенного круга людей: многим эти построения нравятся именно своей экстравагантностью и революционностью. Обычно особенно импонирует то, что ниспровергается «официальная наука». Есть также немало читателей, которым просто нравится захватывающая новизна сюжета, бойкость и размахистость изложения, элементы нового жанра, смыкающиеся кое в чем с детективом и с научно-фантастическим романом. Для многих притягательна скандальная слава, которую приобретает учение А.Т. Фоменко, а также картина крушения всего, что еще недавно было школьной прописной истиной, что, как всякое апокалиптическое зрелище, возбуждает. При этом А.А. Зализняк признает, что у гуманитария вообще нет возможности что-либо доказать в абсолютном смысле этого слова. Практически имеется в виду, что предложенная гипотеза, во-

первых, полностью согласуется со всей совокупностью уже известных фактов, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме, во-вторых, является почему-то безусловно предпочтительной из всех прочих мыслимых гипотез, удовлетворяющих первоначальному требованию. Доказательство может «рухнуть», если откроются новые факты или будет выяснено, что автор не учел каких-то принципиально мыслимых возможностей.

Здесь, разумеется, требуется вспомнить теорию В. Налимова о том, что мир есть «континуум смыслов», и что всякое познание и всякая модель – лишь «фильтр», накладывающийся на этот континуум и благодаря этому распаковывающий один из смыслов, соответственно, отсекая остальные [Налимов 1979]. В этой связи мне хотелось бы – в качестве «реплики в сторону» – напомнить читателю лосевские принципы языкового моделирования: «Всякая формальная, и в том числе теоретико-множественная структура и модель языка, по своей природе всегда коммуникативна. И что бы мы ни говорили о фонологии или грамматике и какие бы структуры и модели мы в них ни констатировали, для нас везде и всюду будет на первом плане язык как орудие общения; и все формальные структуры и модели будут для нас структурами и моделями только одного, а именно разумно-человеческого общения» [Лосев 2004: 34].

А.А. Зализняк признается, что сам не может до конца отделаться от мысли, что для А.Т. Фоменко его сочинения на гуманитарные темы – это забавный, хотя и изрядно затянутый, фарс, мефистофельская насмешка математика над простофилями гуманитариями, наука которых так беспомощна, что они не в состоянии отличить пародию от научной теории. При этом А.А. Зализняк очень верно, с позиций аналитической лингвистики, выявляет и последовательно опровергает основные постулаты, на которых держится «криптолингвистика»: существенны только согласные, на востоке слова читают задом наперед, письменная форма слова исходная, устная – вторичная; в построениях «криптолингвистики» огромную роль играют сближения слов (т.е. сопоставления с целью показать их родство или какую-нибудь историческую связь). При этом не уточняется, о словах какого языка (и тем более эпохи) идет речь. Дело не в том, что это не сообщается читателю. Авторы сами об этом не задумываются и, как это ни дико для лингвиста, явно не считают это особо существенным. Язык выглядит в криптолингвистических построениях как некая более или менее однородная субстанция, разлитая по всем странам и эпохам (напр., понятие «языковой плазмы» в работах Н.Н. Вашкевича). Такому впечатлению сильно способствует и то, что слова любых языков, кроме английского, обычно записываются без особых церемоний русскими буквами и внешне выглядят пусть как

диковинные, но русские. Вездесущность английского языка бледнеет по сравнению с вездесущностью русского. Это очень важный фрагмент криптолингвистических штудий, выводящих их в политическую практику. Значение слов не привязано жестко к какому-нибудь определенному языку. Что касается технической стороны сближений, то созвучия слов обладают могучей силой эмоционального и эстетического воздействия. Если два слова по звучанию похожи, значит, между ними должна быть какая-то связь – это наивно-поэтическое ощущение бывает у каждого ребенка, а многие сохраняют его и во взрослом состоянии, считает А.А. Зализняк. Занятия наивной этимологизацией, т.е. поисками происхождения слова, при которых человек даже не задумывается о необходимости каких-то специальных знаний, а просто «вслушивается» в звучание слова, – вещь довольно распространенная. Для большинства тех, кто этим увлекается, это просто игра, но есть и немало лингвистов-любителей, которые принимают это свое занятие всерьез. Авторы с детской наивностью убеждены, что если два слова (неважно, того же языка или разных) сходны по звучанию, то можно без предварительных проверок смело утверждать, что одно из них произошло из другого или что по крайней мере они связаны родством или какой-то иной неслучайной связью. Авторы не знают или не хотят знать, что уже двести лет существует научная дисциплина, разрабатывающая методы отличия родственных слов от случайно созвучных, – сравнительно-историческое языкознание. А.А. Зализняк напоминает читателю, что родство языков проявляется не в том, что слова звучат одинаково, а в том, что различия в их звучании подчинены правилам фонетических соответствий. От отношения родства двух слов лингвисты отличают отношение заимствования, при котором фонетические соотношения между словами подчиняются иным правилам, чем при родстве. Далее А.А. Зализняк отмечает, что иногда авторы полъзуются идеей «перехода» одного звука в другой, при установлении сходства разрешается: отбрасывать все гласные, переставлять согласные, отбрасывать одну согласную, приравнивать одну согласную к другой в рамках «групп сходств» [Зализняк 2000: 33-68].

С А.А. Зализняком нельзя не согласиться. Он, безусловно, прав в своем критическом анализе криптолингвистических текстов. Правда, с моей точки зрения, с позиций совсем иного научного знания – лингвистического. Авторы же собственно криптолингвистических текстов смотрят на свою методику несколько иначе, мотивируя ее избрание теми целями и задачами, которые она – методика обращения к языку и с языком – призвана решить.

Обратимся к текстам. (1) «Для исследования нужен метод. Первое условие его освоения – снять шоры с академических очков, пере-

стать смотреть на слово, как на предмет... Звук Т означал нечто твердое, некую точку, когда кончик языка прижимался к зубам... Звук О имел огромный смысл, он воплощал незаполненное предметами пространство, «весь белый свет», а также «огонь». На глубокий смысл звука О указывала Елена Блаватская: «О – символическая фигура какого-либо потенциального пространства, заполненного первоматерией. На основе космических законов бытия из первоматерии – некоей огненной, сверхтонкой субстанции – периодически создаются пространственно-энергетические производные, например, галактики, вселенные, звезды, а далее Солнечная система, природа, человек...». Конечно, это эзотерический принцип толкования СЛОВА и его символа – О. Но роль звука О в образовании древних слов, безусловно, велика и дает основания на придание ему некоего таинственного смысла... В чем главный секрет реконструкции слов по методу 12 звуков? Только эмпирически, только методом «тыка», методом подстановки, ошибок и проб можно из современного русского языка извлечь древнейшую первоисточную форму того понятия, которое пришло в наше время, изменив частично или полностью фонетику, но сохранив семантическую связь» [Писанов Л., Писанов В. 2008: 12-13]. (2) «Этимология – наука о происхождении слов. Есть слова, происхождение которых ясно. Например, слово «лягушка» в русском языке происходит от слова «лягаться», т.е. «бить ногами». Как это делает лягушка, хорошо видно, когда она плывет. Здесь науке ничего выяснять не надо. Все и так очевидно. Другое дело английское слово frog. ... Хотя этимология как наука существует уже более двух тысяч лет, а английская этимология – не менее трехсот лет, немотивированные английские слова как были немотивированными, так и остались. Мешала историческая точка зрения. Долгое время европейские ученые думали, что современные языки произошли от так называемого праязыка. Мол, был когда-то язык, который изменялся, делился на отдельные языки, которые, в свою очередь, менялись и делились. Некоторые языки исчезали, другие выживали. В конце концов, сложилась та языковая картина, которая имеет место сейчас. Но начала остались далеко в прошлом, и мы уже никогда не выясним происхождение большинства немотивированных слов. На самом деле языки происходят не от праязыка, а от языковой плазмы, которая состоит из русского и арабского языков. И тот вопрос, который мучил ученых-этимологов столетиями, мы выясним сейчас с легкостью. Английское слово frog происходит от русского «прыгать», в чем легко убедиться, посмотрев на лягушку хоть один раз в жизни. Английское слово имеет и другое значение: раздвоение под конским копытом, что у нас называется стрелкою. Каким образом англичане связывают лягушку с этой стрелкою,

одному Богу известно. Можно только поражаться английской логике. Дело здесь, конечно, не в логике, а в затемненности этимологии слова. И этот вопрос легко выясняется. Оказывается, английское слово в этом значении происходит уже от арабского корня «фарака (фарага)» – «раздваивать». Так английское слово стало понятным, осмысленным, приобрело этимологический смысл» [Вашкевич 2002: 67-68]. (3) «С чего начинается любая наука? С объекта исследования и базовых постулатов. А потом – методология. Объект исследования тот же, что и у наших уважаемых наук – словообразования и научной этимологии, – это весь набор слов русского языка. Главным образом, конечно, слов исконных, с многовековой историей. Я называл только эти две науки потому, что в будущем именно с ними придется соприкасаться чаще всего, притом не только подчиняться их авторитетным приговорам, но нередко и азартно спорить, и даже обнаруживать иногда, что в этом споре мы победили. Конечно, не с их точки зрения, а с нашей. Поскольку базовые постулаты у нас заметно различаются. Наш постулат суммирует интуитивные приемы народной этимологии и сводится к следующему: Если слова, пусть даже не однокоренные, имеют близкое звучание и близкий смысл, это чаще всего не случайность, а проявление какого-то объективно существующего фактора, объединяющего их. Наша задача: найти эти «объективно существующие факторы», выявить их свойства, а по возможности даже систематизировать. Если не сам этот «фактор», то его зримое проявление уже обозначено в самом постулате. Прежде всего, это – звуковое ядро созвучных слов. Столь же важным условием является близость их смыслов, и потому можно предположить, что носителем этого смысла, дарителем смысла различным словам – является именно это звуковое ядро» [Голубев 2007: 20].

А.А. Зализняк правильно оценивает социальную направленность криптолингвистических текстов: «Методика А.Т. Фоменко – бесценная находка для всех желающих произвести революцию в какой-нибудь, которую не жалко, науке...<...>. Учение А.Т. Фоменко включает две отчетливо различные части: критическую и, так сказать, конструктивную <...> Последователи учения должны просто уверовать в мощь интуиции А.Т. Фоменко, позволяющую ему все угадать; аргументы после этого излишни. Это позиция пророка, гуру, главы религиозной секты. <...> Что А.Т. Фоменко предлагает ошибочную концепцию истории – не главное. Это малый грех. Дело в другом: в нынешнюю эпоху, когда классический научный идеал и без того находится под неслыханным натиском иррационализма всех видов, включая ясновидение, гадание, суеверия, магию и т.п. <...> А.Т. Фоменко, беззастенчиво используя всю мощь традиционного авторитета математики, внедряет в

молодые души представление о том, что в гуманитарных науках нет в сущности никакого позитивного знания, зато есть масса сознательных подлогов, и можно, свысока относясь к пыльным и тенденциозным традиционным сочинениям, смело противопоставлять любому утверждению этих наук свою интуитивную догадку...» [Зализняк 2000: 66-68]. При всем том, А.А. Зализняк так и не задается вопросом, почему же подобные тексты не просто порождаются в культуре, а агрессивно завоевывают многомиллионную аудиторию.

Для истории науки важно понять, почему появляются подобные криптолингвистические книги, какова цель их авторов, почему их читают.

Сами авторы пишут об этом достаточно откровенно. Обратимся к первичным текстам: (1) «Наши прапращуры говорили на том же языке, на котором сегодня говорим мы... Откуда взялись самые разные слова, например: знак, столица, береза, кладбище, уголовник? Мы впервые называем истинное происхождение многих русских слов, славянских слов... Мы открыли великолепное «подземное» царство русской речи <...> В то же время в сегодняшних академических изданиях то и дело натываешься на опусы допещерного уровня... Одна из наших целей – растолковать «академикам русского языка», что, кроме их представлений о языке, есть и другие. Если даже им не по нутру. А глобальная наша цель – донести до всех русских людей, да и всех славян, что не затерялось в пучине времени древнее слово, что оно живет среди нас, что предки подарили нам мощный и прекрасный язык, родословную которого нельзя не знать. В этом СУТЬ. <...> Мы перешагнули эти миллионы лет и нагрянули в гости к пещерным людям. И нашли с ними общий – русский – язык. Наши генетические родственники помогли составить метод и методику воссоздания и реконструкции общего с ними языка – русского, славянского. Глубокий поклон вам, дорогие предки! Вечно жить вам в человеческой благодарной памяти. Жить тем самым великим и могучим языком, которым вы нас одарили... Мы не поняли, что РОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ происходит не от понятия «родиться», а от понятия «РОТ-языка». От звуков, которые передавали матери поколений своим лепечущим ребенкам. От первых слов, состоящих всего из 12 звуков. <...> Это – социологическое открытие! Действительно. Ради чего все это?! Да ради того, чтобы обосновать идею. Славяне. Кто они? Славяне. Сколько разных домыслов! Но никуда не деться от слова СЛОВО. По нашему утверждению, СЛАВЯНЕ – это люди, несущие СЛОВО. СЛОВО-НЕСО или СЛОВЕ-НЕСО – вот первородное звучание слова. СО – утрачено, осталось СЛОВЕНЕ. В отличие от других народов только славяне имели такое звучание СЛОВА, остальные народы были для них «другими», они не владели СЛОВОМ. СЛА-

ВЯНЕ – по нынешнему смыслу – НЕСУЩИЕ СЛОВО. Именно славянское СЛОВО, а не какое-нибудь другое» [Писанов 2008: 21, 72]; (2) «По документам согласно русской летописи, отмененной около 300 лет назад, русской государственности 7510 лет. Семь с половиной тысяч лет назад Русская равнина была занята ледником. Из этого вытекает, что русские люди жили много южнее. Местом обитания русских в древние времена была зона, где ныне расположена арабская страна Сирия, по-арабски «сурия», в обратном прочтении Русия, со столицей Дамаск (по-арабски «димашк»), того же корня, что и Москва, причем арабское «ва» по-русски значит «да». Корень названия русской столицы происходит от арабского «маски» – «закаленный» (от корня «СКЙ» – «лить на раскаленный металл воду, закалять»), откуда окончание русских городов Волжск, Брянск и т.д., сравните выражение «дамасская сталь». Сравните также непробиваемую броню русских танков, которая лилась на московском заводе «Серп и молот». Другие географические названия этого региона ясно указывают на местоположение русских в древности. Например, Израиль, по-арабски «исраил», в обратную сторону «л-рсь», т.е. «ал-русия». Т.е. Израиль означает Россия. Арабский город «ал-ля:зкиййа» (Лотакия) по-арабски не имеет ясного значения. Потому что он русский, называется Железякино. Город Тир (корень ТВР) на самом деле это русский город Тверь <...> Русские и славяне. Слова «русские» и «славяне» еще тысячу лет назад были синонимами. Славяне – от арабского «салаф» («быть первым, предшествовать»), откуда «салаф» – «славяне, предки». Библейское «вначале было слово» можно понимать и как «вначале были славяне». Сюда же и Палестина, от обратного прочтения «салаф» («славяне») + «ти:н» («земля», т.е. «земля славян, т.е. русских»)... С постепенным таянием ледников Русь отходила все более на Север, что и было записано в самоназвании русских. Однако с изменением территории основные ценности остались прежними. Это охрана, защита и спасение всего человечества, чем Русь и занималась на всем протяжении достоверной истории» [Вашкевич 2002: 123-124]; (3) «В своей реконструкции я хронологии не касаюсь, потому что у меня есть абсолютно другой инструмент познания исторической истины, который до меня именно в этом качестве никто не использовал. Это – существующий ныне язык. Никто, повторяю, еще не сумел использовать его в таком качестве. Живое слово – это документ, не сравнимый с археологическими древностями. Он точен как законы геометрии... Если внимательно и непредвзято посмотреть на языковую картину мира, то становится совершенно ясно, что в очень многих языках существуют разрозненные следы – а скорее, обломки – весьма определенной общей базы, которая когда-то, не очень давно, всего несколько тысяч

лет назад, была общим языком. И есть только один язык, в котором все эти следы являются не разрозненными обломками, а органической составной частью единого целого. И этот язык явно и есть тот праязык, из которого образовались, а позднее «черпали» все индоевропейские и иные языки. И этот праязык – русский! Образно говоря, все народы мира – наши дети и наследники... Я – как филолог – могу сказать однозначно: именно мы говорим на продвинутом во времени прямом наследнике праязыка. И, может быть, именно русские женщины являются основными авторами праязыка... Вообще, «отпочковавшиеся» языки со временем стремятся к упрощению, они становятся языками аналитическими, слова в них практически перестают изменяться и начинают представлять собой т.н. «обнаженные корни», внутри которых уже ничего не происходит. Таков, например, «древний» китайский язык, в котором слова можно складывать в предложения как кубики. А вот русский язык не очень-то спешит становиться аналитическим, т.к. он ни от кого не отпочковывался и, возможно, как раз то, что он столько времени и так упорно сохраняет древние черты, и есть наилучшее доказательство того, что именно русский язык и является прошедшей сквозь века базой, тем языком-стержнем, тем языком-хранителем, языком-стволом, от которого в свое время отошли все остальные ветви, то есть семьи и группы. Практически все старые и новые европейские грамматики представляют собой варианты русской грамматики, их конструкции – это точные кальки конструкций русских. Даже такой – якобы самый архаичный из всех языков средневропейского стандарта – язык как исландский является просто наименее изменившимся германским потомком древнерусского... <...> Исчезнет безразличие псевдоученых к истинной, а не подтасованной и отлакированной отечественной истории, появится интерес к работам, целью которых является восстановление исторической справедливости в части поисков правды о действительной истории России и об ее прошлом величии... Вся хрентень пройдет, и люди вернутся к нормальным ценностям... Заслуживают внимания и обсуждения: мысли об истинной причине «переписывания» истории, о прошлом величии России, об ее функции в этом мире, о заговорах против нее, о ключевой и основополагающей роли русского языка во всемирной истории и культуре, о «шестереночной» роли некоторых нацменьшинств во всемирной истории и в Октябрьской революции, о сути самой Октябрьской революции, о благоволении самого факта существования России и Советского Союза для всего мира» [Драгункин 2005: 6-9].

Цели определены достаточно четко. Не менее четко сформулированы и задачи, которые преследуют авторы криптолингвистических сочинений. Таких основных задач четыре.

(1) Создать альтернативную историю происхождения и расселения народов:

В этом отношении показательна активная творческая деятельность В.А. Чудинова, который считает, что история человечества зависит и основана на традиции, понимаемой как история духа. На этой основе В.А. Чудинов выдвигает гипотезу о том, что история России есть продолжение традиции древнейших предков – арктов и насчитывает 24 тысячелетия. Официальную науку, стоящую на иной точке зрения, он считает жертвой политики: в разные времена различные политические системы, исходя из своих насущных интересов, отвергали подобную версию исторического процесса. Традиция и наука относятся друг к другу с определенной долей скепсиса. Это вполне нормально. Такая позиция помогает обществу избегать грубых суеверий и предрассудков. Но науке и традиции не о чем и незачем спорить, как, например, в следующем отрывке из его интервью «Российской газете»: «Вы (обращение к корреспонденту, высказавшего недоумение в связи с тем, что Чудинов отрицает общепринятую точку зрения, в соответствии с которой первые сведения о русских, как о самостоятельном народе, относятся к временам после Рюрика) пересказываете сейчас точку зрения современной историографии, а она основана лишь на тех источниках, которые были дозволены после многократных чисток общедоступных исторических архивов. Понятие «индоевропейской общности» пришло из лингвистики, из представлений о едином языке, которое разрабатывало языкознание начиная с XIX века. Такой единый язык человечества действительно существовал, и, как я установил, им был русский язык. Но в сравнительном языкознании получился совсем другой результат, что вполне понятно. Приведу примеры: слово «крокодил» во всех языках выглядит примерно одинаковым и считается заимствованным из греческого, тогда как русское слово «коркодил», бытовавшее до XIX века, полагается его искажением. Но в палеолите существовало слово «дил» со значением «конь», стало быть, «коркодил» – это «корковый конь», где «корка» означает чешую. Иными словами, русское слово – изначально, поскольку имеет точный смысл своих составных частей, тогда как греческое – искаженное русское слово. Хотя полной картины еще нет, но в целом можно сказать, что именно русский лексический фонд и лег в основу всех европейских языков. Естественно, что до неолита никаких других этносов не было. Но после неолитической революции начался процесс этногенеза, поскольку теперь, после невиданного расцвета производительных сил (связанных с переходом от охоты к скотоводству и от собирательства к земледелию) начался процесс хозяйственной специализации, выделения этносов из некогда однородной русской культуры и развития диа-

лектов, завершившийся образованием новых языков и новых этносов» [Чудинов 2008: 20-21].

Приведу еще два примера-цитаты.

(1) «Около 20 000 лет тому назад основная масса населения Арктики, Заполярья и Северного Урала – то есть те, кого мы сегодня называем славянами/словенами (=те, кто «может говорить» = «знает словеса» – в противовес «немцам» = «немым») – под давлением вновь появившихся ледников и общего похолодания начала (под предводительством отца Яра) расселяться по Русской равнине, по Европе, по Кавказу, по Передней и Малой Азии, расходясь по ним уже сложившимися группами, и давая начало европейским и азиатским народам... Группы расходящихся протославян говорили на языке, который со временем превратился в язык праславянский, разные диалекты которого со временем превратились в разные индоевропейские языки. При этом в Европе славяне входили в соприкосновение с ее древним негроидным населением, которое позднее было вытеснено в Африку... Расселение праславян – людей, говоривших именно на том праязыке, на самом прямом наследнике которого говорим сегодня мы, шло вдоль берегов балтийского моря на запад и вдоль рек на юг... Согласно былинам начало и европейским, и азиатским индоевропейцам дал некий Ван (Иван / Ян / Иоанн), женившийся на дочери Святогора Мери... Сам Ван пришел из Малой Азии, с Арарата... Ван отождествляется с Ноем... Ван и его семейство спаслись от Потопа на корабле, построенном сыном Вана Садко... По данным известного ученого проф. Е. Класена более 20 славян были императорами на римском престоле... Юстиниан – это тот самый римский император (славянин), по имени которого назван известнейший судебный кодекс, построенный на основе славянского права... В 680 году на 6 Вселенском Константинопольском соборе заседали и подписывали документы славянские епископы... Сам король Артур, хозяин Круглого стола и предводитель рыцарей, искавших Святой Грааль, был славянорусом... Но для меня – в принципе – вообще неважно, кто и куда когда-то уходил и переселялся, так как все равно никуда не деться от факта того, что именно русский язык основан на 4-5 первичных звукоподражательных корнях... [Драгункин 2005: 25-31].

(2) «С некоторых пор у нас муссируются отношения славянских языков к балтийским, причем с особым энтузиазмом поднимается не вопрос их близкой связи ввиду давних общений и родства, а специфическая концепция, ставящая опять славян в положение некоего производного, на этот раз от балтов. Научная «начинка» этой концепции такова: «Сначала протобалтийский субстратный язык в его западном ареале подвергся воздействию суперстратного италийского, что привело к становлению «протославянского» (XIII в. до н.э. – становление луицкой культуры). Последний, в

свою очередь, подвергся воздействию суперстратного иранского, что привело к возникновению «праславянского» (V в. до н.э. – разрушение луицкой культуры). <...> Вопрос о вторичности происхождения славян и их языка от какого-либо другого, «более древнего» языка и народа «успешно» разрабатывается на Западе, но наши соотечественники, как видите, превзошли их. Они, используя «нашейшие достижения науки», установили даже дату рождения славян – V в. до н.э. В мировом историческом календаре этот век отвечает «золотому веку» Афинского государства с Акрополем, театром Диониса и олимпийскими играми. Что ж, как говорится, «Богу богово, а кесарю кесарево». Видимо, так и должно быть. Необходимо лишь уточнить, какая часть этого высказывания имеет отношение к славянам, и поставить все на свои места, по заслугам. Результаты моей работы по расшифровке праславянской письменности определяют это положение. <...> Но поскольку понятие «праславянская письменность» в научной литературе отсутствует, то требуется дать ее резюмирующее определение. «Праславянская письменность» — это письменность славян, которой они пользовались задолго до создания славянской азбуки Кириллом и Мефодием. Праславянская письменность слоговая. Слоги только открытые типа СГ (согласный плюс гласный) и Г (гласный). Праславянской письменностью выполнены: тэртрийские надписи (V тысячелетие до н. э.); протоиндийские надписи (XXV-XVIII вв. до н. э.); критские надписи (XX-XIII вв. до н. э.), в их числе надписи, исполненные линейным письмом А, линейным письмом Б и Фестский диск; этрусские надписи VIII-II вв. до н. э.), а также надписи, найденные на территории расселения восточных и западных славян и исполненных так называемым письмом типа «черт и резов». Таким образом, праславянской письменностью славяне пользовались на протяжении, по крайней мере, 6 (шести!) тысячелетий, до перехода на буквенное письмо, созданное Кириллом и Мефодием во второй половине IX в. нашей эры» [Гриневиц 1993: 253-257; Дмитриенко 2001: 186-187].

(2) Заявить об истинной функции и миссии России в этом мире:

«Можно предположить, что геоситуация на этой планете устроена таким образом, что именно эта часть суши с живущим на ней народом является источником всего и координатором всего... Русские заботятся о человечестве как мать заботится о своем дитя. Таких подвигов не совершал ни один народ... Россия была и остается центром мира. Отсюда вышло человечество... Она остается хозяйкой мира... Россия делает все, чтобы не допустить невозможности недостижения человечеством некой высшей цели, о которой мы пока еще не знаем...» [Драгункин 2005: 36]

«В рамках рассматриваемой темы следует подчеркнуть значение определений «*священный язык*», «*священная книга*» или «*священное писание*». Жрецы и посвященные знали всегда, что язык по своей сущности является не только средством межчеловеческого общения, но и средством общения человека с Космосом (Все-вышним, Богом, системой Высшего Разума и его Иерархией). Священным языком мог быть только внутприродный язык с внутприродной смысловой матрицей. Этому языку должен соответствовать «*святой алфавит-письмо*», полученный путем «*божественного откровения*», то есть из Единого резонансного информационно-энергетического поля экстрасенсорным или пондемоторным путем через пророков, жрецов, экстрасенсов, контактеров. Чем больше алфавит соответствует внутприродной матрице символов, отражающихся (как будет показано далее) *частотными фракталами*, тем более эффективным является общение человека с информационно-энергетическими уровнями Космоса, тем «*святое*» являются алфавит и язык. Только таким языком и алфавитом имело смысл писать *священные писания*. Именно таким всегда являлся алфавит и язык, который в настоящее время называется *русским*. Священные алфавиты и языки, в частности такие, как: язык Моисея (исторического предводителя доветхозаветных иудеев), санскрит, греческий, латинский, имели основу русского алфавита и языка. В результате природных глобальных катаклизмов человечество неоднократно теряло священные алфавиты, но всегда старалось их восстановить. Эти попытки, можно сказать, были более или менее удачными. На восстанавливаемый язык накладывалась система *эзотеризма* и *герметизма* (то есть зашифровка путем системы иероглифов Высших знаний, как для сохранения Высших знаний вообще, так и для обеспечения монополии жрецов на знания по управлению социаль-но-экономическими процессами). Всё это постепенно привело к формированию множества алфавитных систем, символы которых в значительной степени не соответствовали внутприродной информационной матрице. В результате человечество потеряло непосредственное информационное общение с Единым информационным полем, потеряло Высшие знания о законах эволюции, других процессах Мироздания, главным образом – о *требованиях Нравственного закона к жизнеустройению человеческого общества*, – как части единого организма Мироздания. В результате потери ориентации своего места и предназначения в общей структуре Мироздания, человечество пришло к духовному и глобальному экологическому кризису, с реальной возможностью (само)ликвидации современной цивилизации. Данная работа представляет доказательства, что современный русский алфавит из 33-х букв

и язык является тем самым *святым алфавитом и языком*, который может помочь человечеству продолжить свою эволюцию во Вселенной (если у человечества реально появиться такое желание)» [Плешанов 2002: 13-16].

(3) Спасти русский язык:

«Данная работа представляет собой авторские проектные изыскания, как сказано в предисловии, в области развития русского языка. Чем же обусловлено обращение автора – по образованию инженера-экономиста, работавшего проектировщиком АСУ, – к вопросам лингвистики. Две причины. Причина первая. Русский язык, развитие лексики которого нынче «*зиждется*» на заимствованиях, через несколько десятков лет перестанет быть полноценным языком, так как слов, понятных для его нормальных носителей, будет лишь малая часть от всего словаря. Русский язык глубоко завяз в болоте «попугайских» заимствований, и это «болото» будет для него могильным, поскольку самостоятельно он оттуда уже не будет способен выбраться. Выход только один – активно совершенствовать словопроизводственную систему русского языка, причем систему не только лингвистическую, но и социальную, то есть должен быть всеоткрытый банк идей (книги, Интернет, СМИ), система обсуждения и система принятия решений... И таким образом усилиями лет за 10-20 можно будет вытащить русский язык из могильного болота примитивных заимствований. Вот и вторая причина. Именно общими усилиями, ибо русский язык – это язык всех (а не для всех) его носителей. Другими словами, язык не является монополией лингвистов так же, как и музыка не является монополией музыковедов, или секс – монополией сексологов. А в любом творческом процессе главное – это смелость. Так что перед чтением данной работы – рекомендует автор – желательно спокойно настроиться на творческий лад, абстрагироваться от суеты суетной и, главное, раскомплексоваться. И все будет хорошо» [Колесов 2006: 3-4].

«Откуда есть пошло слово русское <...> Моей задачей (которая формулировалась только постепенно) стал поиск живой, современной конструкции кернов — именно в русском языке. То, что эта система оказалась устойчивой, почти без изменений уходящей в древнеславянский язык, так что оказалось возможно заглядывать в глубь веков, – хотя и приятный факт, но для моего исследования вторичный. То, что формирование наших слов путем слияния кернов оказалось очень похоже на формирование сложных слов в раннеиндоевропейском, – гораздо более отрадный факт, говорящий одновременно и о том, что мое исследование привело к верному выводу, теперь как бы подтвержденному со стороны, и о том, что в нашем языке, который за тысячелетия обзавелся исключительно гибкими грамматикой и словооб-

разованием, этот древнейший механизм продолжал и продолжает активно работать! Он трудится в самой глубине, в сердцевине русского языка, потому со стороны малозаметен; и если следы его деятельности порой замечают, то не придают им серьезного значения, относя наблюдения такого рода к привычно осмеянной "народной этимологии". В общем итоге мы видим, что наша великолепная система кернов сродни дивному искусству плетения – вологодских кружев? – да, но не только. Я слегка знаком с несколькими иными языками и согласен, что каждый из них обладает особой, только ему присущей прелестью, но пальму первенства отдаю именно русскому языку – может быть, прежде всего за удивительные, почти магические хитросплетения кернов, делающие его таким сложным для иностранцев. Зато уж русский человек должен бы в этих кружевах с большим удовольствием разбираться, ведь это безумно интересно! Заодно и жизненно важно. Вот пронзительно точная, трагичная в своем подтексте строка великого мудреца Виктора Соноры: "Умрет язык – народ умрет". Молодые люди, оглянитесь, обратите внимание на ваш собственный, на наш родной язык! Я ни в коем случае не намерен уверять вас, будто он богаче и интереснее английского или японского языка, но – что может быть на земле для вас ближе, после родителей, конечно? "Макар, родства не помнящий" — пусть эта позорная кличка вас минует" [Голубев 2007: 382-383].

(4) Использовать русский язык как инструмент познания реальности:

«Единственным конкретным инструментом познания и анализа прошлого остается только язык. И в этом случае – зеленая улица языкознанию и мне его представителю... Реконструкция праславянского состояния современных языков дает нам дополнительные (кроме логики) аргументы для вычленения России из всего остального мира, для четкого декларирования ее функции и миссии, и для еще более осознанного желания сохранить и культивировать ее самобытность... <...> Два способа познания. Существуют два способа познания. Первый – научный. Это когда накапливаются знания. Постепенно они приобретают тенденции, а затем тенденции осторожно переходят в стадию гипотез, теорий и так далее, вплоть до аксиом. Особенность данного способа в его чрезвычайной зыбкости, но и непотопляемости, в процессе становления, и – опять же – в чрезвычайной косности и нетерпимости к инакомыслию в стадии завершения. Второй способ познания более артистичный, что ли. Он противоположен по методу. Это способ интуитивный, когда вначале приходит идея, чаще всего кажущаяся безумной, а затем она обрастает доказательствами. В завершающей стадии, когда идея станет догмой, и ей займется политика, этот способ познания так же уныл и зловещ. Потому что познание – неостановимо. Неизвестно почему и

неизвестно зачем. Но это другой вопрос» [Драгункин 2005: 36-37; 244].

«Русский алфавит представляет собой зашифрованное знание процессов самоорганизации материи, законов эволюции Мироздания и может служить в качестве инструмента научного познания Вселенной. С помощью числовой матрицы русского языка расшифрован процесс самоорганизации материи и выявлена "триада чисел", управляющая этим процессом; расшифрована пятиуровневая структура и "семеричные" циклы Мироздания, показано значение "вурфных" отношений в Природе; рассмотрен механизм космического генератора "Планка"; расшифрована природа "прецессии", которая является не колебанием оси Земли, а круговым, спиральным вращением Солнечной системы по периферии галактического рукава "Ориона" за время Зодиакального цикла; рассмотрен частотный механизм кризиса биосферы Земли и формирование ее "сердцебиения"» [Плешанов 2002: 82].

Как видим, данное культурное явление необходимо трактовать с очень серьезных общественно-политических и духовных позиций. Оно не случайно и не фрагментарно. Оно системно в издательской практике, в восприятии читательской аудитории, в пропаганде. Иллюстрацией системности криптолингвистических публикаций является, например, тот факт, что книга И.А. Голубева «Слава славянскому слову, или Путешествие по глубинам русского языка: поэма о кернах» издана при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России». Книга, как гласит аннотация, «будет интересна всем ценителям русского языка, в то же время хотелось бы видеть его в качестве настольной книги у старшеклассников и студентов». Книга А.Д. Плешанова «Русский алфавит – код общения человека с космосом» также «предназначена для широкого круга читателей». Книга Н.Н. Вашкевича «Симия: раскрытие смысла слов, поступков, явлений» имеет подзаголовок «Учебник для начинающих» и предназначена «для детей, их родителей и учителей, а также для всех, кто ищет Смысл».

Итак, криптолингвистика – это не фрагментарное графоманство рубежа веков, это целое направление, тенденция, парадигма, имеющее исторические корни в нашей отечественной советской лингвистике.

Полистаем лингвистические издания 30-х годов прошлого века: «Письмо т. Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция" имеет огромное значение для решительного поворота языкознания в сторону его непосредственного включения в социалистическое строительство, в общий круг задач культурной революции. Ликвидация грубейшего разрыва между языковой теорией и языковой политикой, отставание лингвистики от практики разреше-

ния актуальнейших проблем, выдвинутых реконструктивным периодом, – в этом заключается основное, что должно определять дальнейшее развитие науки о языке. Успешное решение стоящих перед языкознанием задач требует поднятия языкознания на высшую ступень, перехода на базу марксистско-ленинской методологии, с чем неразрывно связана непримиримая борьба с буржуазной наукой о языке, проявляющейся как в открытой форме так называемого индоевропеистского языкознания, так и маскирующейся марксистскообразной фразеологией... В области языкознания никакого компромисса, никакого соглашения с буржуазной лингвистикой быть не может... Марксисты-языковеды должны развернуть решительное и широкое наступление на индоевропеистскую лингвистику по всем участкам своего фронта, беспощадно и последовательно вскрывая научную несостоятельность и органическую связь с реакционной политикой буржуазного языкознания...» [Против буржуазной контрабанды... 1932: 3-4]

А теперь обратимся к первоисточнику, как мы предполагаем, по крайней мере, имплицитному, современных криптолингвистических работ – работам Н.Я. Марра: «Вопрос совсем не в том, что у армян и у исторически обрабатывавшего доисторию, собственно лефо-историю (забытую историю) Украины, Нестора, самого ли летописца Руси или, то безразлично, пусть позднейшего интерполятора, оказались сродные легенды о построении первых городов, в Армении Куара, точнее Ковара (Ko-var), на Украине — Киева, что в арабской записи – Куяба. Вопрос и не в этом, следовательно, хотя легенды те в основе отнюдь не плоды книжного сочинительства: в них вскрылось наследие от так называемых доисторических насельников и того и другого края, т. е. яфетидов, именно скифов, как то казалось при анализе формальных методом. Тогда вторые части и топонимических терминов, так в частности Киева или Куябы, учитывались как окончания множ. числа в разновидностях следующей формулы: -ov [↔em ↗-er- → -eb- → -eф || -av ↔ -am ↗-ar-→] -ab [→-аф]. И от этого морфологического разъяснения отнюдь не надо отрекаться для соответственных позднее наступавших эпох. Однако анализ по лингвистическим элементам в таких образованиях в целом выявил состав из АВ. Следовательно, перед нами оказался, в конечном счете, вклад кимеров, или иберов. <...> Мы абсолютно не думаем о непосредственном переходе от баскского или иного вида яфетической системы во французский. Процесс куда как сложнее. И доля передаточного значения кельтского языка не мала. Однако и все это не может помочь уйти от необходимости восполнять утек своего подлинного материала справкой у яфетических языков кавказской дали. Не какая-либо пара слов, вроде la gor+ge || г. kor-

ka, le gateau || г. qada говорит о большей в известных слоях близости французов с грузинами, чем с «индоевропейцами». Ведь за нарицательными словами идут собственные имена, они же говорят о большем. Ведь так же обстоит дело и с украинским языком. <...> Так, когда речь о 'воде', то не одно слово «вода» затрагивается ее связями. Понятие 'вода' налицо и в данном перечне – 1) в укр. «плювати» (как и в русском), основа которого plu-va означает 'воду (va) рта' (plu из *pul, перерождения яфетического pur, г. pir 'рот', ср. pur – в г. pur-əq 'плевок', буквально 'рта вода'), 2) в украинском «сльоза» (как и в русском соответствии), что, звуча slo-za, буквально значит 'вода (za) глаза (slo-, resp. sle-)', ср. г. əre — 'глаз' в составном груз, древнелит. əre-mī 'слеза' (из * əre-mal) и sel ↔ sil как у бретонцев с восхождением к 'глазу' — 'вид' sell, 'видеть' sell-ut, так у финнов прямо со значением 'глаза' в наличном у них скрещенном образовании морд. sel-me, суоми sil-me 'глаз', 3) такой технический подход к восприятию материальных предметов с использованием его в производстве слов говорит уже о позднейшей стадии развития звуковой речи, и о том же еще более свидетельствует словотворчество с учетом техники такого явления, как 'дремота' или 'сон'. Так основа русск. «дремать», укр. «дрімати», равно г. əul+e-ma (drem, drim, resp. əul+e-m) 'дремать', не что иное, как имя, означающее 'глаз', и это выясняется не только с г. əul+em, resp. *əul-m, усечением полного вида *ə_u1-ma1, сохранившегося в г. əu-[v]al ↔ əo-wal 'глаз', но и в отношении русск. dre+m, и укр. dri+m в архетипах *der-m и *dir-m, сохранившихся у кельтов в разновидности drem (брет. «dremm») со значением 'зрения', 'лица', у армян же в разновидностях deym (↗ *der-m), в косвенных падежах di-m, со значением 'лица' и восходящих семантически к архетипу 'глаз'. <...> Можно, конечно, и эти факты, равно вызываемые ими соображения, отвести как «анекдоты», особенно, когда при незнании техники нового учения об языке сопоставления кажутся маловразумительными, а еще больше, когда научное мышление лингвистов господствующей школы, без различия национальности, в дополнение к европейскому самомнению доселе заковано в шоры того или иного национального мира (когда речь о русском или украинском – миража славянского «братства» и славянского «праязыка»), как изначальной основы в языко-творчестве каждого из входящих в это позднейшее речевое классовое содружество «народов». Национального подъема хватило, чтобы осознать себя народностью, равноправной с русским народом, чтобы не дать застыть общественно родной украинской речи на ступени, на которой полагается замирать любому языку колониальной или колониально используемой страны, да стараться наверстать упущенное в

целях возведения украинской речи на ступень культурного развития, достигнутую русской, но, когда дело доходит до приемов и техники, необходимых для научного изучения (и только ли для научного?) этой же закабаленной многовековым культурным засилием братского народа речи, то друзья украинского языка с его мнимыми или действительными недругами, поскольку речь идет об ученых, все одинаково оказываются в умирительно-неразрывной близости по рабски-слепой привязанности к индоевропейской лингвистике. Между тем, если даже оставить в покое вопрос о возникновении вообще звуковой речи человечества, которого правомыслящий индоевропеист чурается как наваждения от лукавого, может ли кто указать на конкретный язык, происхождение которого в какой-либо мере было бы разъяснено изжившим себя, как исследовательский метод, учением? Почему такое по устойчивости твердокаменное равнодушие? К чему? К новому учению о языке? Да нет, оставим «новое», которое давно лишилось всяких прелестей молодости, вступив в пятый десяток своего безнадежного и вынужденного топтания на месте (ибо, как может такое учение преуспевать в искусственно поддерживаемой изоляции?), однако имело достаточно времени, чтобы дискредитировать себя всеми смертными грехами – и материализмом, да еще диалектическим, и игнорированием того, чему все учились, и пренебрежением к литературным, особенно классическим языкам мирового значения, в пользу чего? В пользу каких-то живых никому неведомых наречий, в большинстве заведомых *ratois*, да еще с непростительно небрежным, более того – преступным нарушением классической акрибии. Следовательно, об этом учении не приходится говорить. Ни о том, что душно работать в такой изоляции. Но ведь душно работать в спертom воздухе и многочисленной рати старого формального учения. Почему никого не тянет к мысли обезвредить в какой-либо мере удушливую атмосферу самого изолирующего лингвистического метода свежим воздухом действительного знания другого языкового мира, что тут же у порога индоевропейского замка? Мы абсолютно не думаем ограничивать своего недоумения пределами ученой среды советской страны. Недоумение у нас, как и яфетическая теория, слагается также в мировом масштабе. <...> (А вот и завершение статьи – риторический вопрос) «Что же? Это все нам позволено строить лишь в мире отверженных европейской наукой яфетидов?... Ясно, что нам в самом деле ничего не остается, как прервать наши бабушкины сказки в ожидании более зрелой аудитории. Но придет ли она? Конечно, да, однако, едва ли из академических Назаретов; только бы терпения. Предполагаемый создатель яфетической теории почти столетия ждал, а человечество по большому великодушию, да основательно уверенное в большей длительности

своего существования может спокойно ждать еще сотню лет. Торопиться некуда, спешить незачем. Яфетическая теория со всем ее страшилищем, новым учением о языке, не зверь, в лес не убежит (1930 г.)» [Марр 2001: 220-272].

Достаточно долго, по объективным политическим причинам, было принято в отечественной лингвистике воспринимать подобные тексты Н.Я. Марра и его учеников как абсурд. Чуть позже – как комическое, антисоциальное, подлежащее сатирическому осмеянию.

Напомню в этой связи – для более молодого поколения читателей – некоторые лингвокультурные явления советской эпохи 50-60-х гг. Дело в том, что не столько «новое учение о языке» подвергалось тогда нападкам, сколько та историко-политическая подоплека, которая превратила фрагменты советской лингвистики в своеобразные прецедентные тексты, связанные, в том числе, с образом Сталина. Достаточно вспомнить знаменитые строки шансона Юза Алешковского: «Товарищ Сталин, вы большой ученый – // в языкознание знаете вы толк, // а я простой советский заключенный, // и мне товарищ – серый брянский волк (Юз Алешковский «Песня о Сталине», 1959 г.). Если обратиться к советской приключенческой шпионской литературе той же эпохи – в качестве примера возьмем популярный в свое время и экранизированный роман А.Авдеенко «Над Тиссой», то с удивлением можно обнаружить следующее. Власть следила за тем, чтобы все крупные политические кампании проходили под лозунгом «всенародного одобрения». Поэтому в условиях жесткого контроля способом выживания становилась аполитичность или показная, ритуальная политическая активность. – Фрэнк Билд направился к магазину с высокими дубовыми дверями и двумя витринами, заставленными книгами. В большом помещении Книготорга на многочисленных полках стояло несколько тысяч книг. – О! – воскликнул путешественник по-немецки. – Куда я попал? Ваш магазин чуть ли не Британская библиотека! Человек в черном костюме, в белой свежей рубашке, повязанной скромным темным галстуком, приветливо поздоровавшись, сказал на хорошем немецком языке: – Нам, конечно, далеко до Британской библиотеки. Но даже такое количество книг имеет для яворских трудящихся большее значение, чем миллионы томов Британской библиотеки для трудящихся Лондона. – Вы не только продавец, но и агитатор! – улыбнулся Фрэнк Билд. – В реальности людей прежде всего волновали нужды текущего бытия, а не интересы «большой политики». Повседневность, задачи элементарного выживания заслоняли политику. – «К сожалению, еще не готово. У меня в последние дни так болит голова, что хоть на стенку лезь». Заказчицы не обижались, не отчаивались, не гневались. Они делали вид, что верили портнихе. Сегодня не готово, так будет готово завтра. Можно потерпеть

один день. Но хорошо, если только один день, а вдруг... Одна из заказчиц поспешила задобрить Марту Стефановну и выложила ей все субботние новости: какой доклад был в офицерском клубе, кто с кем танцевал на вчерашнем весеннем балу, кому повезло дважды кружиться в вальсе с симпатичным Волковым, генералом, приехавшим в командировку из штаба Военного округа, кто из летчиков получил благодарность в приказе за высотнотренировочный полет... – Но иногда «политика» выступала на передний план – и тогда крестьяне высказывались по проблемам языкознания, шахтеры осуждали «несознательных» философов и все вместе возмущались «формалистическим течением» в музыке. – Из перлюстрации частной переписки: Прочитал доклад товарища Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Очень своевременно поставлен вопрос. У Зощенко скоро жизнь придет к концу, а он ни одной строки не имеет хорошей. Не может быть, чтобы у нас не было хороших тем для произведений. Я у него много статей читал, и все они какие-то базарные; – Информация Управления пропаганды и Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «Об откликах трудящихся на постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В.Мурадели»: На собрании профессорско-преподавательского состава Московской консерватории отмечалось, что многие музыкальные критики беспринципно подходили к оценке произведений композиторов-формалистов и поэтому сами оказались на ложном пути. Некоторые критики пытаются свалить с себя вину ссылкой на то, что они не могли выступить против руководства Оргкомитета Союза советских композиторов. Музыкальный критик тов. Фридман заявил: «Наши критики очень хвалили 6, 7 и 8 сонаты Прокофьева. На самом деле это очень плохие музыкальные произведения. Все мы ясно представляли себе наличие формалистических извращений в нашей музыке, но никто не пытался им противостоять. Вместо боя мы, коммунисты, отступили перед группой Шубалина-Прокофьева-Шостаковича... А вот и эпизод – своеобразный отголосок все той же сталинской дискуссии о языке: интерес к лингвистике мог быть свойственен исключительно врагам народа. – Крыж (шпион) почтительно склонил голову, приветливо улыбнулся и спросил, чем он может быть полезен. – Есть у вас учебник Булаховского «Введение в языкознание»?...(это – пароль) – Пожалуйста, есть. Платите. Пока Крыж заворачивал книгу в бумагу, покупатель заплатил деньги в кассу и вернулся к прилавку с чеком. Он передал чек Крыжу, сказал «спасибо» и шепотом добавил: «Имею поручение от «Бизона». Приду вечером. Ждите» – Из письма студента филфака МГУ Г. Крылова Сталину: По недостатку собственных знаний мы верили и в тотем четырех элементов. Судите сами, ведь Марр знал уймищу языков, лектор

его обоготворял, не признавали Марра формалисты, идеалисты... К тому же, Марр нанес удар теории праязыка, а праязык – теория расистов, фашистов, разбитых и готовящих новую войну...; – Из письма проф. В. Патрашева Сталину: Внимательно изучив только что опубликованную Вашу работу «Относительно марксизма в языкознании», я и мои товарищи испытали глубокое восхищение. Мы вовсе не языковеды, мы рядовые советские ученые, работающие в области прикладной гидромеханики, но мы внимательно следили за дискуссией в «Правде» по вопросам языкознания, желая извлечь из этой дискуссии известную пользу для нас... Известно, что истина всегда проста и понятна, однако, столь же трудным является путь познания этой истины. В течение полувека наши языковеды не могли до нее дойти...; – Из записки секретаря парткома МГУ Прокофьева в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б): ... В личном разговоре с проф. Чемодановым, который состоялся у меня 30.07., выяснилось, что действительно проф. Сердюченко в период еще до появления статьи тов. Сталина пришел к тов. Чемоданову и сказал, что ему кажется, что «Правда» открыла свободную дискуссию для того, чтобы выяснить точки зрения и уничтожить противников. На это проф. Чемоданов, по его словам, ответил, что центральный орган нашей партии не открывает свободных дискуссий с провокационной целью. Метод провокации не метод нашей партии. Проф. Сердюченко прервал разговор. После появления статьи тов. Сталина в газете «Правда» проф. Сердюченко заявил: «Дело ясное. Надо искать вакансию где-нибудь в Рязани или Воронеже»... [Базылев 2005: 30].

Времена меняются: сегодня историография лингвистики оценивает «новое учение о языке», «четырёхэлементный анализ», «функциональную семантику» несколько иначе.

Первое мнение принадлежит В.В. Бибихино: «На новой основе обновленного революцией человечества может возникнуть единый мировой язык – должен возникнуть. Те всезначимые звуки, от которых произошел язык, привязывались в первую очередь к самым общим магическим вещам, например, начинали означать небо и природу, и рождение, всё это в общем виде. Здесь Марр намечает группы связанных представлений, основываясь в частности на данных антропологии (Леви-Брюль) и палеонтологии. К ним относятся, скажем, рука – женщина, рука – давать. Все слова удается возвести к четырем пра-элементам, по именам четырех племен, от названий которых пошли эти элементы: сал, сарматы, рош, этруски, бер, берберы, йон, ионийцы. Правила редукции страшно общие и проиллюстрированы на довольно-таки ограниченном материале. Но что продолжает задевать, это верные догадки, раскиданные там и здесь. Западная лингвистиче-

ская наука обречена на увядание, поскольку не выходит за пределы формы, фонетики на простор семантики. Имя привязывают к предмету не за его форму, а за его функцию. Не было никакого языкового дерева, а шли бесчисленные скрещивания (Пизани). Языковое мышление меняется из века в век, и современные европейские языки представляют в этом смысле что-то очень отличное уже от так называемых древних, которые Марр причислил бы скорее к новейшим. И все это делалось человеком неистощимой, лошадиной силы и огромной памяти, не отягощенным веригами европейской дисциплины» [Бибихин 2001: 259-260].

Это оценка собственно научная и человеческая. Важнее оценка политическая. К. Богданов, анализируя ситуацию в науке 30-х гг., напишет: «Исследователи в области политической теории согласны в том, что отношение к языку – важнейший критерий идеологического прожектерства и социального экспериментаторства. Убеждение, что переустройство общества предполагает также переустройство языка, для европейской истории парадигмально и тривиально. Ясно, что контроль над обществом – это и контроль над его языком, создание общества – это также создание языка. Популярной иллюстрацией к сказанному здесь, конечно, является фантазмагория Оруэлла «1984», где правители тоталитарного государства опираются на специально сконструированный – контролирующийся, но потому же и контролируемый язык.<...> Государство, в котором мы сейчас живем, становится ареной языковых экспериментов, как известно, начиная с самых первых лет своего существования. Реформа письменности, создание русифицированных азбук для различных национальностей – все это было тем фоном, на котором создавалась и воспринималась языковедческая теория Н.Я. Марра. Для современников лингвистические работы Марра и его последователей были как бы еще одним (в дополнении, например, к созданию единообразной графической системы для языков народов, не имевших письменности) воплощением языкового экспериментаторства. Декларация единых для всего человечества фонетических, морфологических, грамматических закономерностей языковой эволюции и редукция самой этой эволюции к комбинаторике четырех «глотогенетических» первоэлементов превращала «язык прошлого» в «язык будущего». Общий язык, реконструируемый марристами, это и новояз, и вместе с тем – вящая архаика. При таком понимании языка не случайно, что именно из лагеря марристов вышли работы, где традиционному изучению мифологии было противопоставлено изучение мифа вообще, мифа как такового...<...> Стоит заметить, что в ретроспективе коммунистической идеологии оценочный релятивизм в отношении теорий Марра показателен в контексте трансформации самой коммунистической идеологии» [Богданов 2004:

335-344]. В общем виде такая трансформация, вероятно, действительно удачно описывается в терминологии, предложенной В. Паперным, т.е. как путь от «культуры 1» к «культуре 2», как путь от глобального экспансионизма к обособлению и, в конечном счете, – от дел к словам также [Паперный 1996]. Но есть, вероятно, и другое объяснение, делающее эту трансформацию закономерной в приложении именно к науке. Ван ден Дойль в свое время убедительно показал, что наука получила признание как специальный институт в 17 веке не потому, что предложила какие-то новые ценности обществу в целом, но потому, что провозгласила невмешательство в деятельность господствующих институтов. Иными словами, наука стала наукой потому, что декларативно отделила себя от морали, политики, риторики, логики, богословия и т.д. Похоже, что сказанное остается справедливым и для других эпох. Невмешательство в деятельность господствующих институтов власти – таково условие, лежащее в основе существования науки как идеологического института. В тех случаях, когда наука, и в том числе лингвистика, претендуют на то, чтобы быть большим, чем она может быть, – т.е. быть, вопреки словам К.Маркса, не практикой объяснения, а практикой изменения мира, – ей не избежать обвинений в абсурде.

В этой же связи Б.М. Гаспаров напишет следующее: «Теория Марра, с ее яростной и не лишённой пронизательности критикой сравнительного языкознания, выступала как одно из проявлений романтико-революционного духа, противостоящих позитивистской науке «викторианского века». Диалектический характер теории Марра, подчеркивание динамического характера языковой эволюции, сломов и революционных скачков в судьбе каждого языка, и в то же время универсального единства глоттогонического процесса в целом – все это были черты, сближавшие «яфетическое любомудрие» с системой идей марксистской идеологии, к которой яфетидология стала апеллировать со все большей настойчивостью в 1920-е годы, что вытекало из «динамической» интерпретации марксизма» [Гаспаров 1993: 196-197].

Мы как будто читаем о том, что происходит сегодня в сфере гуманитарного знания, в т.ч. в лингвистике. Криптолингвистика вырастает, помимо прочего, из переосмысления духовного наследия советской эпохи, эпохи революционного романтизма 20-30-х гг. Ю.С. Степанов, например, восстанавливает авторитет Н.Я. Марра в области теории функциональной семантики: «Н.Я. Марр обратил внимание на параллельные ряды вещей и их наименований, т.е. слов естественного языка. Таким образом, Н.Я. Марру удалось выявить некоторую специфическую закономерность, которую мы теперь называем семиотической, но которую сам Марр назвал функциональной семантикой. Суть этой закономерности состоит в том, что значения слов-

имен изменяются в зависимости от перехода имени с одного предмета (или действия) на другой предмет, заменивший первый предмет в той же самой или сходной функции. Марр установил, например, что с появлением в хозяйстве нового животного на него переходило название того животного, чью функцию приняло новое: так, по Марру, на лошадь (в разных языках) перешло название оленя; на хлеб перешло название желудя, так как желудь в качестве продукта питания был заменен хлебом, и т.п. Наблюдения Марра – в общем виде – подтверждаются археологическими данными и данными о ритуалах. Так, в Пазырыкском кургане на Алтае были найдены ритуально захороненные останки лошадей в масках оленей...» [Степанов 1997: 56-57]. Ю.С. Степанов, правда, оговаривает, что в некоторых языковых деталях эти положения Марра вызвали критику лингвистов и должны быть скорректированы.

Таким образом, идеи Марра все еще могут стать привлекательными, несмотря на их, казалось бы, явное расхождение с установленными наукой истинами (а, может быть, и благодаря этому расхождению). В чем же здесь дело? Этот вопрос задает и В.М. Алпатов в статье «Актуально ли учение Марра?» В.М. Алпатов еще раз подчеркивает, что популярность «учения» Марра – это популярность не научной теории, а мифа. Марровский миф образовался как бы на пересечении двух больших мифов, владевших умами (не связанных напрямую и во многом противоречащих друг другу) – мифа о всемогуществе науки и мифа о необходимости в новом обществе все строить заново. В области искусства адекватным выражением этого мировоззрения был авангардизм. Сложнее было с наукой, где этому мешали не только накопленные традиции, но и вся система научного мышления, вся совокупность подходов, принятая в науке» [Алпатов 2006: 3-15].

Это, своего рода, попытка объяснить феномен «марризма». Но дело в том, что продолжение «нового учения о языке» мы находим, как уже было сказано, в современной криптолингвистике. Есть ли объяснение этой связи-наследия с точки зрения историографии лингвистики. По-видимому, да. Ведь, как считает И.Т. Касавин, «романтическая революция в науке еще не закончилась» [Касавин 1999: 115]. Серию объяснений мы и хотели бы предложить читателю в заключительном фрагменте статьи.

Начнем с объяснения лингво-историко-политического. П. Серию в своей статье «От любви к языку до смерти языка» в заключении напишет: «Некоторые несоответствия и противоречия современного советского дискурса о языке могут объясняться тем, что “дискуссия о языке 1950 года”, начатая Сталиным в газете “Правда”, чтобы покончить с марристскими теориями в языкознании, ничего не решила, не дала эпистемологический скачок, не произвела

новых понятий, а только лишь похоронила – на административном уровне – любую постановку проблемы, которая имела целью – конечно, очень по-социалистически – усомниться в идее существования Единого языка у Единого народа. Оставив саму возможность рефлексии над конфликтными вопросами, без которых ни одно общество не может материально существовать, дискуссия эта породила переливание из пустого в порожнее тяжеловесного советского дискурса о языке...» [Серийо 2009: 122-123].

С точки зрения анализа языковой политики государства свое объяснение предлагают активные популяризаторы «Велесовой книги». Они хотят понять причины противодействия со стороны «административного ресурса» популяризации идей данного текста (заметим, в скобках, что об этом же говорят почти все авторы криптолингвистических проектов): «Реакция православных ученых-филологов на предлагаемые памятники была подобна отклику современных ученых на Велесову книгу. Выдающийся лингвист А.Х. Востоков так охарактеризовал язык одного памятника из собрания А.И. Сулакадзева: “...исполненное небывалых слов, непонятных словосокращений, бессмыслицы, чтобы казалось древнее”. Языковому анализу “отреченные книги” не подвергались, опубликованы не были. В 1823 году канцлер Румянцев, основатель Румянцевской библиотеки, предложил А.Х. Востокову ознакомиться с архивом А.И. Сулакадзева. И тот сделал все возможное, чтобы рукописи Александра Ивановича туда не попали. Не признавались им, в том числе, и те памятники, которые впоследствии были признаны и опубликованы. Например, “Пчела”. Главной причиной, конечно, было то, что А.Х. Востоков, без сомнения крупный ученый, многое сделавший для русской православной культуры, был узко-конфессионально ориентирован. Для него русское язычество, как культура, не существовало. Сыграло роль и то, что он, крупнейший специалист по старославянскому языку, вдруг оказался не в состоянии прочесть тексты памятников. Это для него послужило доказательством их поддельности... Вероятно, Востокову казалось невозможным существование славянской письменности во времена до Кирилла и Мефодия... <...> Сегодня крупнейшими представителями российской исторической и лингвистической науки подлинность Велесовой книги также не признается. По какой причине? В шестидесятые и семидесятые годы основные причины имели политический характер. Эхо от того времени докатилось до наших дней. Даже первые зарубежные публикаторы выражали сомнения в подлинности по крайней мере отдельных частей Велесовой книги. Ю.П. Миролюбов, например, вначале препятствовал ее публикации и лишь использовал некоторые сведения из Велесовой книги в своих сочинениях. Он писал: «Мы вообще не

хотели опубликовать текста “Дощечек Изенбека”, потому что такие публикации всегда вызывают дружное возмущение тех, кто даже “Слово о полку Игореве” считает подделкой. Критиков мы боялись, потому что обладаем незапятнанным именем, и не желали делать его нарицательным в устах невежественных людей. Не желали мы публикации текстов и из политических соображений, ибо наличие этих текстов может быть использовано нашими политическими врагами, большевиками. Однако судьба решила иначе...» (Ю.П. Миролюбов. «Русская мифология. Очерки и материалы»). Политическая борьба в послереволюционной России в области идеологии была направлена на слом русского православия. Из-за этого происходил и своеобразный ренессанс языческого мышления. Античное и русское язычество в учебниках по истории того времени преподносилось как великая культура, растоптанная христианством. Разумеется, это не значило, что религиозные ценности древней русской веры принимались политиками той эпохи. Но заметим, если православно-христианское сознание людей из окружения Ю.П. Миролюбова не помешало им оценить значение Велесовой книги и, в конце концов, опубликовать ее, то в атеистической России Велесову книгу так и не признали. «Белоэмигрантская подделка, опубликованная пособниками фашистов» – таково было определение памятника. Если бы Велесова книга была открыта в России, то, возможно, ее ждала бы иная судьба. По крайней мере, к ней отнеслись бы более спокойно, – даже если бы и не признали ее древность по тем либо иным причинам, имеющим отношение к исторической науке, то споры вокруг нее не были бы остро политическими. Но она была опубликована эмигрантами, что не могло не повлиять на отношение к ней в России. В каждой публикации, посвященной Велесовой книге, непременно подчеркивалось, что Ф.А. Изенбек – офицер белой армии, А. Кур (Куренков) – белогвардейский генерал. А про Сергея Лесного (Парамонова), бежавшего из Киева в 1943 году, намекали, что он сотрудничал с фашистами. Казалось бы, какое отношение все это имеет к памятнику древней истории? Однако, недоверие ко всему, что идет из-за рубежа, сыграло свою роль. Просто сейчас осуждать ученых, выполнивших тогда чье-то указание. Л.П. Жуковская, например, упоминала о запросе из КГБ на одном из своих публичных выступлений в Доме Ученых. Но, замечу, неизвестно, что их ожидало при иной реакции. Стоило ли идти на это ради весьма сомнительной «дощечки» (тогда в распоряжении ученых был текст лишь одной дощечки в десять строк)? И при этом, возможно, терять самое важное для ученого – возможность работать? Конечно, не стоило. Впрочем, не всегда отношение к Велесовой книге определялось подобными размышлениями. В шестидесятые, в начале семидесятых – да, но потом страха перед

репрессиями поубавилось. Тем более в современной России, в которой дуют иные политические ветры. Ныне можно было бы изменить свою точку зрения. По крайней мере, сказать, что отношение к Велесовой книге не достаточно определено. Но этого до сих пор не сделано. Возможно, для кого-то трудно теперь признать свою ошибку. А значит, и лишиться в какой-то мере авторитета. Но ведь не ошибается только тот, кто ничего не делает. Признание своих прошлых заблуждений нормально для истинного ученого. Видимо, сегодня главными становятся иные соображения» [Велесова книга 1995: 241-242].

С точки зрения истории культуры, несомненный интерес представляет возможность объяснения феномена криптолингвистики с точки зрения постоянно возобновляющихся в культуре (советско-российской) авангардистских «языковых игр» или «игр с языком». Тексты современной криптолингвистики, безусловно, попадают по ведомству формальной литературы, литературы формы и игры, литературы ограниченного рационализма, академического авангарда, когнитивного авангарда. Можно говорить об этих текстах как экспериментальных (?), т. к. это эксперимент, основанный на школе и на методе. Эти тексты – «техне», означающее рациональное «мастерство». Для текстов, созданных в духе этого мастерства, все является отражением всего; текст проникнут глубочайшим оптимизмом, верой в определенную самостоятельность человека и его слова, в природу, сильную поддержкой бога (богов – славянских). Мир, как явствует из текстов, которые мы обильно цитировали на протяжении статьи, заключает в себе единую всеобъемлющую истину, все уровни культуры изоморфны, каждый из уровней поддается перекодировке на язык другого, это неистощимая игра зеркальных отражений. Для авторов этих текстов природа уже не содержит в себе тайны. Происходит размежевание авторов с традицией, можно сказать, с традицией «соцреалистической лингвистики». Размежевание с реалистической традицией проходит, в большой степени, по линии игры. При этом игра-техне не отрицает реальности. Тексты строятся на чисто языковой игре. Им чужда идея вывихнутой реальности, освобождения ума от гнета общепринятых мнений и косности естественного языка. Аналитически – это тексты, в основе которых лежат комбинаторные формы. Основываясь на классификации, предложенной Т.Б. Бонч-Осмоловской, оказывается возможным исчисление приемов «техне» [Бонч-Осмоловская 2009: 12, 31, 34-155].

Приведем краткий перечень этих приемов. Надо сказать, что исследование криптолингвистических текстов с точки зрения литературы формальных ограничений, с нашей точки зрения, очень перспективно. Итак, в криптолингвистических сочинениях используются:

(1) Тексты первого порядка сложности: слово. Комбинации и сочетания букв в слове (буквенные анаграммы слова – анаграммы имен собственных, многовариантные анаграммы, экзотические анаграммы – циклические перестановки, миниграммы; параграммы, палиндромы – палиндромы имен собственных; изограммы, омографы и омонимы; добавление словораздела и «спрятанное имя»). Комбинации и сочетания слогов в слове (слоговые анаграммы слова; слоговые палиндромы слова и оборотни)

(2) Тексты второго порядка сложности: фраза. Комбинации и сочетания букв во фразе (буквенные анаграммы фразы – анаграмма и каббала, анаграмма имен собственных, перераспределение словоразделов, антиграмма, миниграммы, контрпетри и спунеризмы; буквенные палиндромы фраз – палиндромы имен собственных, нестандартные буквенные палиндромы – круговертни и кругооборотни). Комбинация и сочетание слогов во фразе (слоговая анаграмма фразы, слоговая миниграмма, слоговой палиндром фразы). Комбинация и сочетание слов во фразе (словесная анаграмма фразы – многовариантная перестановка слов во фразе, экспоненциальные и факториальные перестановки, контрпетри и спунеризмы фраз как комбинации слов, циклические перестановки слов во фразе, словесные палиндромы фраз). Комбинации и сочетания словосочетаний во фразе.

Надо обратить внимание на то, что минимальной единицей для комбинаторной литературы принимается буква. Следовательно, не следует удивляться тому, что авторы в рамках известной «традиции» не различают звук и букву. Попытки создавать новые тексты посредством манипуляций с алфавитом так же стары, как и сам алфавит [Степанов, Проскурин 1993].

Не могу не процитировать пропагандиста алфавитно-символического таро России Ф.П. Эльдемурова: «Наш (т.е. русский) алфавит просматривали и пересматривали писатели и поэты, реформаторы и политики. Маги и колдуны, лучше прочих знающие, какую силу таит написанное пером, составляли с его помощью свои заклинания. Языковеды еще не скоро разберутся в его истории и его первоисточниках... Но мы (т.е. посвященные) знаем, каковы внутренние закономерности строения современной русской знаковой системы, основу которой составляет алфавит, куда пропадают и пропадают ли на самом деле исключенные некогда буквы, какую роль в этой системе играют другие знаки, такие как цифры, астрологические обозначения, буквы других алфавитов, и, наконец, как весь этот гигантский закономерный массив начинает работать уже сам по себе, являясь ключом и зеркалом к действительным загадкам вселенной... Мы имеем возможность построить необыкновенно стройную сис-

тему, которая в будущем может явиться ключом ко многим ныне закрытым ларцам Космоса...» [Эльдемуров 1995: 45-47].

Эта техника возникает из языка конкретной исторической эпохи и принадлежит современной литературе, в т.ч. криптолингвистической. При этом еще раз отметим тягу авторов к архаичности, к мифопоэтике. Есть тяга к безымянности, и это тоже симптом эпохи: «смерть автора», провозглашенная во второй половине XX века, когда текст, предположительно, творится скорее читателем в каждом прочтении, чем автором в процессе написания, возвращает нам комбинаторную литературу – в виде кропотливого труда и радостных откровений. Как бы сделав круг, комбинаторный текст возвращается на неком ином уровне к первой, безымянной стадии литературного процесса.

Обратимся еще к одному объяснению бытования в современной культуре феномена, названного нами криптолингвистикой. По И.Т. Касавину, это фрагмент вненаучного знания, в типологии знания являющийся составной частью рациональности, единства культуры и неклассической эпистемологии [Касавин 1990: 5-27]. Параллели, проводимые И.Т. Касавиным в отношении классической и неклассической эпистемологии, проливают (частично) свет на феномен возникновения и существования криптолингвистики.

В классической эпистемологии, коренящейся в философии Нового времени, тайна, как правило, есть выражение непознанного, временной и пространственной ограниченности нашего знания, которая будет преодолена в будущем. В неклассической эпистемологии таинственное, анонимность и комическое выступают как характеристики познания, определяемые в свою очередь новой картиной познаваемой реальности. В ней природа и культура, индивид и социум, сакральное и профанное, стабильное и изменчивое взаимосвязаны и постоянно обмениваются содержаниями. Эту реальность принято квалифицировать как сложную, самоорганизующуюся, открытую систему, находящуюся во множестве связей со средой. Соответственно меняется и поведение познающего субъекта. Он уже не стремится получить однозначные, навечно истинные и объективные результаты (ибо в таком случае они будут полностью отчуждены от познаваемого объекта), но в большей степени нацелен на то, чтобы встроиться в существующую систему взаимосвязей и действовать сообразно реальным обстоятельствам и тенденциям. Язык понимается при этом не как прозрачный и послушный инструмент для артикуляции смысла, но как слой культурной реальности со своими собственными законами. Л. Витгенштейну принадлежит артикулированная идея: именование выступает как таинственная связь слова с предметом. Поиск смысла в каждом языковом феномене –

творческая задача с настолько непредсказуемым итогом, что подлинный смысл почти всегда неожидан и может быть охарактеризован как тайна Языка. Проникновение в эту тайну соразмерно остроумию читателя, его способности поставить очевидные смыслы под вопрос и тем самым в чужом обнаружить родное, в забытом – знакомое, в фантастическом – реальное. Это равнозначно, по сути, тому, чтобы действовать невпопад, «смеяться, когда нельзя» (М. Цветаева).

Классическая эпистемология трактует смысл как интерессубъективный феномен, понятный всем и принимаемый в результате консенсуса. Это верно только применительно к стандартным ситуациям, число которых огромно, если занять позицию «субъекта классифицирующего», интересующегося только классами явлений. На самом же деле количество таких ситуаций исчезающе мало, если входить в детали их структуры и детерминации, к чему, напротив, и стремится эпистемология неклассическая. Одновременно попытка «подробного анализа» обнаруживает тщету познавательных способностей человека, что налагает запрет на простое перечисление (количественное измерение) условий и обстоятельств. Здесь в свои права вступает «качественное исследование». Постигание смысла, проникновение в тайну не есть решение задачи; напротив, момент истины представляет собой краткий момент удивления, когда слезы благодарности перемежаются торжествующим смехом. И если в классике смысл имеет общечеловеческий характер, доступен всем и приемлем для каждого, то в неклассике он – ничей, поскольку как проявление универсального единства не дан и недоступен никому. Постигая смысл, человек не знает, что именно он постиг; моменты озарения, понимания, истины подобны искрам, которые освещают столько же, сколько ослепляют. Анонимность смысла есть оборотная и парадоксальная сторона его субъективности: если он ничей, то его нельзя понять, а если он чей-то, то он опять-таки не доступен пониманию.

Отсюда возникает вопрос: не является ли неклассическая эпистемология попросту абсолютизацией иррациональных моментов познания? И.Т. Касавин считает, что нет. Однако сам рационализм отныне понимается не как право на решающее суждение, но как ответственность за познание и его результаты [Касавин 2008: 531-535].

Криптолингвистика – это фрагмент не теоретического, а духовно-практического знания. Знание этого типа выделяется из практики и противопоставляется ей. Оно отчасти представляет собой даже критику наличной практики и стремление трансформировать ее по определенным канонам. Духовно-практическое знание пронизывает все сферы деятельности и социальные слои.

Основу и источник духовно-практического знания составляет межгрупповые и социальные

отношения людей. Средством трансляции этого типа знания становится убеждение, апеллирующее к социально-психологическим стереотипам, нравственному и эстетическому чувству. Образное описание, нормирование, целеполагание и построение идеалов – таковы основные формы и функции духовно-практического знания; критерием его приемлемости является согласованность с системой общественных отношений. Духовно-практическое знание рисует образ мира сквозь призму человеческих потребностей и интересов, учит тому, как относиться к этому миру, другим людям, самому себе. Духовно-практическое знание нагружено человеческими надеждами и стремлениями, оценками и идеалами. Поэтому оно нередко формулируется в качестве вопроса, проблемы, коллизии, широко использует сравнительные, сослагательные, модельные грамматические формы, как бы балансируя на грани, разделяющей миры действительного, должного и возможного [Касавин 1990: с. 24-25].

Исходя из сказанного, приходится признать, что научно-критическая позиция А.А. Зализняка не полностью корректна. Он считает, что тексты криптолингвистические – это фрагмент научного знания. Поэтому он и критикует их, читает их, понимает их, интерпретирует их с позиций человека, желающего оставаться в сфере знания теоретического. На самом деле – это фрагмент знания духовно-практического и даже практически-политического. И.Т. Касавин так характеризует парадигмальные особенности этого типа знания. Без такого типа знания невозможно функционирование и самосохранение эффективно работающего государства как организации. Это знание, рождаясь в контексте непознавательной деятельности и общения, основывается на локальной практике и удовлетворяет вполне определенную потребность. Поэтому и гносеологическим критерием его является непосредственная эффективность, обнаруживающая неотъемлемость практического знания от умения. Его трансляция предполагает личное общение.носителем такого знания является, тем самым, или фольклор, или тайный ритуал [Касавин 1999: 46-47].

Не скрывают этого и сами авторы: «Дорогой читатель, вы никогда не пробовали распознать происхождение какого-либо слова и докопаться до его глубинного древнего смысла? Это занятие называется этимологией. Есть этимология классическая, со своими строгими методами, со своими традициями и запретами. Есть лукавая этимология – утверждающая, в частности, что *небеса* зовутся так потому, что там нет “ни беса”, а *этруски* – “это русские”. Ее “находки” – это, по сути, подтасовки для поддержки какой-нибудь идеи, совсем не обязательно вздорной. Есть этимология любительская, которую профессионалы иронически называют “народной”, – то неожиданно мудрая, то наивная, связующая, например, слова *май* и *маять*»

ся, молния – “Мол, не я!” (как бы заклинание, чтобы в меня не попало), а рыбу *sig* с тем, что она высоко *сига*ет... Почти любой из нас, кто в свое удовольствие занимался поисками такого рода, не углубляясь при этом в безбрежный океан чужезычия, вправе был потом удивляться, что его дивные находки никакого, абсолютно никакого понимания и сочувствия не находят у профессиональных этимологов. Попросту он не очень осознавал, чем они заняты, а они тут же обнаруживали не только выводы, но и сам ход его размышлений несовместимыми с принципами своей науки. “Вы только послушайте, как созвучно!” – убеждает он. “Ну и что? – отвечают они. – Иллюзия. Никакого родства. Вот это слово приехало к нам из древнеисландского, а то – из древнееврейского”. – “Но посмотрите, даже по смыслу почти совпадает!” — “Вот именно. Всего лишь совпадение”. Но полностью ли наш бедолага не прав? Раз уж его этимология «народная», то не таится ли в ней, в ее методах (совершенно, к сожалению, не разработанных) анализа опять-таки народного языка некая сермяжная правда? Как выясняется, действительно таится, но со своими немногочисленными находками он ещё не может распознать корней этой правды, а такой ушат холодной воды или даже всего лишь загляд в этимологический словарь – отрезвляет и пресекает дальнейшие поиски. Чем же ему помочь? Кажется, есть способ. Предлагаю читателям вместе со мною начать увлекательную игру: мы сделаем вид, будто всерьез пытаемся создать новую языковедческую науку – такую, в которую находки народной этимологии вписывались бы гораздо лучше <...> Итак, приступим. С чего начинается любая наука? С объекта исследования и базовых постулатов. А потом – методология. Ну, объект исследования, понятно, тот же, что и у наших уважаемых наук – словообразования и научной этимологии, – это весь набор слов русского языка. Главным образом, конечно, слов исконных, с многовековой историей. Я назвал только эти две науки потому, что в будущем именно с ними придется соприкасаться чаще всего, притом не только подчиняться их авторитетным приговорам, но нередко и азартно спорить, и даже обнаруживать иногда, что в этом споре мы победили. Конечно, не с их точки зрения, а с нашей. Поскольку базовые постулаты у нас заметно различаются. Наш постулат суммирует интуитивные приёмы народной этимологии и сводится к следующему: Если слова, пусть даже не однокоренные, имеют близкое звучание и близкий смысл, это чаще всего не случайность, а проявление какого-то объективно существующего фактора, объединяющего их. Наша задача: найти эти “объективно существующие факторы”, выявить их свойства, а по возможности даже систематизировать. Если не сам этот «фактор», то его зримое проявление уже обозначено в самом постулате. Прежде

всего, это – звуковое ядро созвучных слов. Столь же важным условием является близость их смыслов, и потому можно предположить, что носителем этого смысла, дарителем смысла различным словам – является именно это звуковое ядро» [Голубев 2007: 17-21].

Руководствуясь критерием целесообразности, знание это тяготеет к типу практически-политическому: оно дает только предельно конкретные ответы на поставленные вопросы и не несет в себе сознания субъективности целеполагания и выбора средств достижения цели. Хороший пример – литературная практика советской эпохи, как о ней сейчас вспоминают. Например, А.Л. Жовтис в своих «непридуманных анекдотах»: «В середине 30-х годов Николай Иванович Анов был ответственным секретарем журнала “Красная новь”. При нем и имел место эпизод, связанный с расцветавшим в ту пору “культу” Сталина. Одного из сотрудников журнала послали на Кольский полуостров в селение саами (лопарей) для того, чтобы он написал о счастливой жизни возрожденного народа и заодно собрал произведения саамского фольклора, воспевающие мудрость и доброту Отца и Учителя. Через две недели сотрудник вернулся в Москву. Он привез очерк, описывающий “исторический прыжок” лопарей из эпохи патриархально-родовых отношений в эпоху социализма, но – увы! – песен о Сталине у них не оказалось!

– То есть как это так, – возмутился заместитель главного редактора, – все народы поют о Сталине, а они не поют?!

И он пригласил к себе молодого поэта Петю М., который активно занимался переводами с таджикского, чувашского и прочих древних и младописьменных языков и печатался во многих газетах и журналах. Замредактора переориентировал поэта в северном направлении, и через несколько дней он принес в редакцию перевод саамской “Баллады о Сталине”, которую опубликовал в журнале, а затем и в знаменитом (в 100 печатных листов!) сборнике “Песни о Ленине и Сталине народов СССР”. Перевод слегка напоминал известную индейскую поэму Лонгфелло о Гайавате, но “колер локаль” в нем был соблюден...

– Я подивился бойкости этого юноши, – рассказывал мне Николай Иванович, – и спросил его: “Петя, вы так много переводите... А с накатского вы что-нибудь переводили?”

– “Кажется, несколько стихотворений перевел”, – сказал он, и глазом не моргнув. А ведь это я сам создал “накатский язык” из слова “ста-к-ан”, прочитав его наоборот!» [Жовтис 1995: 89-90].

В философии науки последние три десятилетия то вспыхивают, то затухают методологические дискуссии, инициированные известной работой Пола Фейерабенда «Против метода» (1975). Аргументы «за» и «против» «методоло-

гического принуждения» сменяют друг друга. Стремление к формулировке и использованию метода, как мы видели на примере криптолингвистических текстов, есть позитивная сторона критики разума, шаг на пути овладения им, его сознательной реализации в деятельности и общении. Как кажется, в данном случае мы сталкиваемся с особенностями когнитивного поведения современного европейского человека. С одной стороны, мы становимся свидетелями как в социально-психологическом плане происходит становление представлений о сбалансированном критическом мышлении. Современная когнитивная психология, однако, различает (разграничивает) критическое мышление в «слабом» и «сильном» смысле. Так использование анализа и аргументации с целью, прежде всего, развенчать чужую точку зрения служит примером критического мышления в «слабом» смысле. Напротив, человек, прибегающий к критическому мышлению в «сильном» смысле не сосредоточен на собственной точке зрения. Он исходит из необходимости по собственной инициативе испытывать свои идеи и представления наиболее сильными из возможных возражений, какие только могут быть выдвинуты против них. Сейчас преобладает монологическое мышление, соответствующее идеологически доминирующему и предлагаемому в кодифицированных текстах представлению о мире. Человек находится во власти переживания, он удивлен, то есть ощущает неоспоримую бытийность мысли, но «вписать» ее в имеющиеся в его арсенале представления о культуре он не в состоянии. Это и происходит частично с авторами криптолингвистических сочинений, частично – с читателями. Человек в состоянии удивления находится вне системы координат, которую задает культура. Поэтому, чтобы культура не была дискредитирована, ее необходимо подключать в том объеме, который может быть освоен человеком. Данная ориентация наполняет жизнью понятия, они приобретают смысл, и культура становится востребованной. Теперь человек может вновь наблюдать мир, но он представляется ему не таким, каким был раньше. Следовательно, для него мир теперь нуждается в глобальной перестройке в соответствии с той мыслью, которая заявила о своем независимом онтологическом статусе. Человек начинает строить систему доказательств, считая, что именно эта система станет оправданием его мысли. Но диалог при этом – диалог между читателем/слушателем и автором – может стать продуктивным только тогда, когда предусматривает какое-либо решение. То есть, цели диалога не должны заключаться только лишь в самовыражении его участников; главное условие диалогового общения – это стремление слушать собеседника, терпеливо сносить его инакомыслие и тем самым добиваться понимания. Человеку свойственно стремление к постижению высшего, аб-

солютного смысла. На пути этого постижения для человека нет больших авторитетов, нежели авторитет этого абсолютного смысла как такового. Диалог, который строится на данных условиях, может быть по-настоящему свободным и творческим. Свободным, поскольку единственной ценностью аргумента является его «абсолютная» истинность, которая с необходимостью подтверждается экзистенциальным опытом человека, что обеспечивает передачу ощущения жизненного смысла. А творческим, поскольку смысл может быть передан посредством использования нестандартных понятий и конструкций. В итоге подобного рода коммуникации, которую обеспечивает философский диалог, способствует лучшей социальной адаптации личности. Человек перестает делать трагедию из факта одновременного существования несовместимых способов объяснения действительности, поскольку он научается посредством философского диалога безболезненно вступать в контакт с индивидом с непривычным для него способом мышления, что, в конце концов, приведет к пониманию. Когда аргументы не сводятся только к использованию стереотипов и штампов, которые суть «лоскутные одежды» живой культуры, не имеющие никакой самостоятельной ценности, когда аргумент – это не просто повторение чужих слов, тогда человек имеет возможность спокойно соотносить свое мнение с мнением других. Цель диалога трансцендируется, и он становится для участников поиском истины и утешения, а не только лишь формой самовыражения [см. в этой связи Кассирер 1995: 187; Кларин 1994: 45; Борисов 2005: 226-227].

Наконец, нам кажется возможным объяснить феномен криптолингвистики с точки зрения исторической психологии.

Возвращаясь к трудности подходов, которые выходят за пределы классической науки, скажем: эти подходы являются необычным знанием. В.А. Шкуратов считает, что гуманитарные науки самоопределяются как средства образования личности, находящиеся в потоке жизни, поэтому они вводят определенные эпистемологические средства: для удержания непосредственности личностного самоопределения; для некоторого познавательного отстранения от этого процесса. Такое знание апеллятивно. Гуманитарные науки, в т.ч. лингвистика, являют собой компромисс между процессом самовыражения и его опосредованием. Поэтому гуманитарные тексты отличаются повышенной насыщенностью смыслами, нарративной формой и адресностью. Их ученость вибрирует между исповедальностью и концептуальностью. Так это происходит с текстами криптолингвистическими. Их особенности могут быть переданы термином, предложенным В.А. Шкуратовым, – наррадигма и бельсайнтистика.

К концу XX века стало понятно, что гуманитарный элемент в науке непарадигмален. Он

происходит от ученого традиционализма (книжности), а книжность развивается в преемственности слов и текстов. Поэтому слово «нарра-дигма» составлено из двух частей: латинского «narratio» (рассказ, повествование) и греческого «deigma» (образец, пример). По сути, криптолингвистические тексты – это личностный рассказ по определенному гуманитарному образцу текста – текста лингвистического; текста, нагруженного эстетическими, идеологическими, психологическими функциями; отзывчивого к воздействиям социально-политических обстоятельств. Эти тексты пока не вошли в традицию. Известно, однако, то, что остается за пределами нормативного, консолидируется как апокрифика.

С моей точки зрения, нижеприводимый фрагмент книги «Менталингвистика» – это прекрасная иллюстрация современного жанра апокрифа «от науки»: «Все нам дана способность думать. При этом мы воспроизводим результаты наших ощущений из памяти, строим из них комбинации, пытаюсь восстановить события, угадать и предупредить новые. <...> Возникает потребность рассказать об этом, поделиться с мыслями или поведать людям о своем откровении. <...> Об этом таинстве что-то знают мои внук и внучка и поэтому перед сном обязательно просят:

– Дедушка расскажи...

Я сажусь около их кровати. Они уже закрыли глаза, по уже привычной договоренности, сложили ручки на груди и готовы следовать по тропам неизвестности. <...> Каждый сознательный (имеющий сознание) имеет свою карту мироздания, данную ему от рождения. Что собой она представляет? Мы еще точно не знаем. Парадокс: мы не знаем, что знаем. Эту модель давно ищут физики. Зная ее, мы могли бы предсказать наше загадочное будущее и заглянуть в таинственное прошлое. Любая тайна притягательна. И я, как физик, тоже увлекся этой задачей. Долго мои дни, месяцы и годы проходили в поисках путей, ведущих к безмятежной гавани, где сойду на берег, мог бы очутиться в тишине, где хранится эта загадочная карта мироздания. Я был неизвестным скитальцем в необъятных владениях неизвестной мне истины. Лишь недавно, в начале 90-х годов, безнадежно усталый от "дружбы" с физикой и ее методами, я остановился на неприметном полуостанке, где непокорная всем нам истина утверждала суверенитет Татарстана, России, Украины, Белоруссии и т.д. И тогда, некогда отвергнутые языки, с каким-то несравнимо больше жизни упорством пробилась в утверждении значимости каких-то жизненных истин именно в их исполнении и проявлении воли. <...> Надо было разобраться в действиях новых голосов, ведь они вели куда-то, оставаясь в единой сети общего мироздания. Цепочка для анализа складывалась просто: сознание – это

мироздание, мышление средством языка разворачивает его. Другой путь поиска уравнения мироздания находился не в методике Эйнштейна, а лежал в самой сути нашей речи. И теперь без всякой горечи на неудачи я с радостью обладателя бросил свой исследовательский "инвентарь" в огород лингвистики. А там была тишина. Такая тишина бывает на кладбище, куда прибывают навсегда, спустив паруса. У этой унылой пристани все выверено, очерчено, расставлено по местам, пассажиры представлены воле богов. Здесь не задают вопросы. Установленный еще Александрийской школой порядок расстановки акцентов в изучении языков незыблемо оберегается в величии снов его покровителей. Потрясенные явлением на свет, новые суверенные языки спешат расставиться в истине этой школы и объявить себя великим, своеобразным, единственным защитником нации. Ученые языков, преодолев первое волнение от внимания к их науке, стали смелее просить средства для обновления "заборов", защитных механизмов, ограждающие чуждые влияния. Опыт, накопленный в возвеличивании имперского языка, осваивался на новом уровне. С наивностью пришельца я задал сим ученым мужам, казалось бы, естественные вопросы:

– Почему различаются языки?

– Как возникло слово?

– Почему в языках почти одинаковые звуки речи?

– Имеет ли смысл звук речи?

Для них эти вопросы были словно из курса астрофизики. Оказывается, в этой науке их даже не задают, не включают в ряд научных, а относят в область... мифологии. Представьте, я был рад этому "открытию". Ведь для начинания моих поисков теперь не существовал груз изучения обзорных работ, которыми любая наука обрастает как морской корабль ракушками. Можно было самому, по интуиции, даже рассказывая сказку внукам, испытать влияние слова, смысла звуков речи. Так моя пенсионная обремененность приобрела смысл. Внуки спят, таинством смыслов звуков речи, перенесенные в сеть связей нашего мироздания. Я иду к столу, где уже вырисовывается моя карта мироздания. <...> Я теперь исполняю роль необычного контроля: я слушаю окружающую среду. Но обычно Я выделяю звук и ищу его смысл. Это, оказывается, нетрудно. Мир полон звуков и понятен через их смысл. <...> Поисковая боль не отпускала меня нигде. Однажды, проходя мимо татарской школы, я слышу молящий голос учительницы, обращенный к женщине:

– Укыт сип аны, апа, укыт! Талант битул!

Меня поразил тон и убежденность учительницы при произношении звука речи Т: укы-Т! Через Т передавался наказ, необходимый и важный долг для матери. "Т" произносился так, словно ножом гильотины отрезалось тело. Она повторила "укыт", а мать все более просветлялась.

Этот контраст долга и обязанности был явным оттенком воплощенного желаяния. Через смысл Т она принуждала, давила, обязывала, наказывала в необходимости "уки" — учишь! А может быть в словах с Т, всегда есть это самое принуждение, давление? Я открыл словарь на Т: топор, топот, тормоз, тревога, терзать... и, кажется, догадка верна. Но как доказать, что это и есть истина? <...> На анализе слов и грамматических правил мне удалось узнать смыслы звуков речи. Оказалось, что звук речи О выражает просторность, физики называют такую среду трехмерной; знаком А выражена какая-то выровненность, что возникает от какого-то уровня согласия в структуре вещей; звук речи У выражает свободное, представленное самому себя, перемещение; Э выражает некоторое внутреннее притяжение, что-то потребное, В выражает периодическое и повторяющееся свободное перемещение, через Б выражена какая-то вздутость, превышение и т.д. Так каждый звук речи стал значащей единицей. Возникает вопрос: где? <...> Вот тогда мне и пришла идея выразить смысл звуков в моделях физических представлений и описать формулами, что облегчало бы поиск взаимосвязи смысла звуков речи. И работа пошла по второму кругу, но увенчалась приятной неожиданностью. Смыслы звуков речи, выраженные физическими формулами, оказались во взаимосвязи и с каждым дополнением; вырастала целостность, будто археологами расстреванный костяк какого-то существа. Это была пространственная карта мироздания, занятая связями по узлам творения, которые таинственно и непрестанно во власти мировых сил колыхаются в ритме, словно морские глубины. По связям струится нечто, распуская почки, разведя зеленые своды, превращая свет в семя — во внешний размах жизни. Там давно известные школьные формулы своим смыслом обрамляли контуры внутренней сути самой вечности. Оказывается, люди произнося звуки речи, трогают и касаются этих основ, как бы включают, или сверяют что-то, или опираются на необходимые основы реальности. И тогда Слово, собранное из этих соприкосновений, становится образом, наделенным силой и может зажечь мысль. И каждый из нас, пользующийся Словом, набирает звуками речи, как по клавишам пишущей машинки, образ нашей мысли, возбуждая в сознании связи и узлы. Возникшая упорядоченность из формул очертила рамку, которая в обозначениях звуками речи предстала как "Эволюционная система звуков речи татарского языка". Всю эту процедуру поиска автор прошел и по содержанию русского языка, и возникла новая целостность, как "Эволюционная система звуков речи русского языка". И, оказалось, что звуки речи этих языков имеют один и тот же смысл. Может быть русские и татары — люди одной Великой степи, одного корня? До окончательного вывода, такому же анализу были подвергнуты арабский,

грузинский, еврейский, немецкий, французский, английский и др. языки. Это был долгий и кропотливый поиск. Но к радости, предыдущий результат повторился и другие новые звуки речи заняли свободные места в Эволюционной системе и тогда возникла всеобщая целостность: "Периодическая система звуков речи", в которой заключен весь банк данных по звукам речи народов. Так мир мысли человека, выраженный смысловыми единицами речи — звуками речи — стал единым компактным узлом творения. Это, безусловно, отражение нашего сознания, куда врожденно вложена карта мироздания. <...> Рассказывайте взрослым и детям сказки. Их постоянный сюжет, сотканный из светлых и темных начал, есть контрастный узел в паутине связей нашего мироздания. Он развивается во взаимодействии этих противоположностей, а мы, наблюдая за ним, кажется, путешествуем по карте мироздания. При этом возникает трепет и сжимается сердце» [Гайн-улла Ф. Шаймиев 1998: 4-8].

Апокрифическая фаза, а именно с ней мы сталкиваемся, по всей видимости, в случае бытования криптолингвистических текстов, дает образцу не только материал, смысловой подтекст, но и сюжетный зачин, предысторию, форму судьбы. Поскольку открытия делаются людьми, то в любой науке присутствует нарративная линия со ступенью апокрифа [подробнее см. также: Брокмейер, Харе 2000].

Приведу еще один пример из книги: Колпаков В.В., Колпаков Г. (Ю.) Д. «Звуковая лингвистика для всех. О смысле звуков, букв и слов человеческой речи». Авторы признаются сами в разрозненных знаниях: «... в детстве читал массу детских книг и стихов... в школе неосмысленным образом учил английский язык... вместе с племянником занимался в зрелом возрасте изучением немецкого... на досуге за год выучил по самоучителю французский (при этом я был тогда крайне удивлен тем, что процентов 90 английских слов произошли от французских и латинских, а люди, не знающие языки (не думающие люди), как попугаи везде повторяют как заученный штамп, что английский — это язык германской группы... сразу же, без всякого изучения, стал читать на церковнославянском... потом изучал немного с племянником немецкий, но бросил из-за нехватки времени... и все эти разрозненные знания постепенно накапливались где-то в подсознании... и в итоге стало вдруг интуитивно ощущаться очень большое сходство между словами и звуками в разных языках... ощущение это жило где-то в глубине ума... и я думал об этом постоянно, пока меня не осенило... фр. Кэс кё сэ? — каждый отдельный звук в этом вопросе выражает собой в сущности целое сокращенное до него (как бы сжатое в один звук) слово или понятие, а именно — к — что, э — есть, с — сие, кё — что, с — сие (= вот это), э — есть? То есть полностью этот вопрос следует понимать так: Что (такое)

есть сие (то, чем интересуется спрашивающий), что сие (на что он указывает) есть?... Тогда пришло осенение, что сами по себе звуки человеческой речи, а вовсе не какие-то там «корни», возможно, являются как бы сокращенными смысловыми понятиями. Иными словами, сами звуки в словах, как атомы в молекулах, составляют элементарные смысловые понятия языка. Осталось только разгадать их смысл. И тогда, бросив на время изучать другие (иностраные) языки, захотелось прежде всего понять свой родной – Русский язык... И с этого момента нам стало постепенно открываться путем долгих интуитивных размышлений постижение смысла отдельных звуков, а затем и слов Русского языка... Все время думая и анализируя смысл звуков и различных слов, иногда я вставал даже глубокой ночью, зажигал свет и записывал неожиданно пришедшие решения... Начало познанию смысла звуков было положено... На дне рождения у одного очень уважаемого мною родственника – физика в 1997 году мы поделились с ним этими соображениями, и он не посчитал их за ерунду (как другие) и одобрил их, и как настоящий ученый очень заинтересовался этим, чем очень подбодрил нас к дальнейшему развитию теории звуковой лингвистики и дал нам свою поддержку стимул к дальнейшей ее разработке и развитию, без которого данная работа вряд ли когда-нибудь появилась бы вообще... В итоге, входе дальнейших размышлений стало теперь уже окончательно ясно, что каждый отдельный звук, как атом в таблице Менделеева, означает отдельное определенное смысловое понятие. Постепенно была составлена таблица значений всех звуков русского языка... Проанализировав затем слова других языков, от английского до китайского, мы поняли, что смысл и значение в них отдельно взятых звуков в словах точно такой же, как и в русском языке, только количество, набор и манера произнесения звуков в словах различных языков разные... Впоследствии из одних и тех же по смыслу звуков праязыка, как молекулы из атомов или разные предметы из кубиков «лего», были составлены разные слова разных языков, появившихся впоследствии. Отметим кстати, что никакой «эволюции» языков или иначе их происхождения одного из другого не было...» [Колпаков В., Колпаков Г. 2002: 2-14].

С помощью слова «наррадигма» В.А. Шкуратову удалось, на наш взгляд, определить тип мышления, который скрывается между художественным выражением, окутанным образами, и сциентистской речью, пропадающей в формализмах. Между тем у наррадигмального мышления своя, весьма, обширная зона: это – не искусство (производство образов) и не точная наука (производство информации). В.А. Шкуратов назвал эту сферу мышления в научных образах-представлениях бельсайнтистикой. Слово создано по аналогии с французским посред-

ством нарратива культуры «les belles-lettres» (беллетристика). Если «lettres» (письмена) – заменить на «sciences», то получится «les belles-sciences» – прекрасная наука, бельсайнтистика. Бельсайнтистика – это весьма искусная словесность, но она служит иному, нежели художественная литература, так как эстетический эффект, впечатление здесь средство, а не цель. Ее научность избегает однозначной определенности понятий, формализмов, чертежей.

Это и есть, по мнению В.А. Шкуратова, к которому мы полностью присоединяемся, мышление языка, наука слова – и в то же время часть культуры мысли. Бельсайнтистика обнаруживается там, где мышление конструирует слова внереференциально, т.е. исходит из морфологии и семантики для создания абстрактной чувственности. Многожды осмеянные гуманистами схоластические «чтйности», «истекаемости» – примеры такого рода словомыслия. Эти схоластические предикаменты обходятся без опор в предметном мире. Они помогают словомышлению продвигаться в как-бы реальности, среди умственных фигур. Словесность здесь не расширяется в аксиологии словоэнергий, она их оформляет, как считает Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2002]. Это нижний этаж понятийной текстуальности и высший – словочувственности. Здесь происходит сенсуализация и аксиологизация языка.

Наррадигма дает образец превращения грамматической структуры в мыслеобраз. Концептуальная мысль внедрена в этой сердцевине языка своей понятийностью, чуть-чуть недоформализованной. Эти грамматические связки, предлоги, служебные слова и другие логические фигуры сенсуализированы и таким образом дают псевдологическую сущность письменной бельсайнтистике – схоластике. Схоластика находится между мистикой (книжной чувственностью бескачественных, бесструктурных энергий, сияний, звучаний) и логической арифметикой. Она имеет устойчивость в складе западноевропейского ума. Она никогда не доходит до разделения слова и фигуры, что обозначало бы смерть для словомышления, которое живет непрерывной семантической трансформацией грамматики. Через языковые преобразования и словообразования устанавливаются новые обращенные к читателю смыслы. Именно на определенности для подготовленного читателя этих словообразований-трансформаций и основана бельсайнтистика, сходная в этом отношении с художественной литературой. В обоих случаях развитие текста опирается на способность постигать словесный сгусток в его непрерывных образно-смысловых видоизменениях. Такой текст – самотрансформируемая ткань, неговоренная по элементам. Она определена общими знаниями и гораздо менее явным знакомством с ассоциативным

рядом наррадигматики [Шкуратов 1997: 166-176; 326].

Наррадигма криптолингвистики учит, как проявляются в ходе толкований и разборов учебно-хрестоматийных и классических текстов новые смыслы. Цель обучения здесь – состыковать художественно-текстуальную структуру с образно-ассоциативным контекстом произведения. В бельсайнтистике постоянно совершаются трудноуловимые переводы грамматики в словесные фигуры мысли с опорой на смысл. Референтная основа этих фигур не является предметной, но и не лишена образного обоснования (в отличие от концептов, которые алгоритмизированы в потоке рассуждения). Происходит, по Рюйе, вычерпывание сознанием скрытых значений отражаемого действия и наделение этих значений пространственно-временной квазиреальностью является общим качеством человеческого целеполагания [Ruyer 1950: 10]

В заключении замечу, что культура внутри себя пытается осмыслить подобные криптолингвистические тексты; осмыслить по-разному, иногда в виде пародии – филологической пародии или в виде «вырожденных» филологических тестов. В романе В.О. Пелевина «Ампи В» главный герой Рама приобщался к филологической премудрости: к гламуру и дискурсу: «Полный курс этих предметов занимал три недели. По объему усваиваемой информации он равнялся университетскому образованию с последующей магистратурой и получением степени PhD. Дискурс оказался «мерцающей игрой бессодержательных смыслов, которые получают из гламура при его долгом томлении на огне черной зависти...». Как видим, такое восприятие лингвистики (филологии) вполне отвечает ожиданиям непрофессионалов. Для дилетанта иная сфера знания – это сфера избыточной информации. Для ее освоения нужно такое же время, как и для освоения своей собственной профессиональной сферы, на что было затрачено немало лет, если не «вся жизнь». На этом фоне нас не удивляет, что главный герой романа, ощутивший избыток информации приходит, однако, к правильному выводу: «...избыток информации создавал проблемы, очень похожие на те, которые вызывало невежество. Но даже очевидные ошибки иногда вели к интересным догадкам. Вот одна из первых записей в моей учебной тетради: «Слово “западло” состоит из слова “Запад” и формообразующего суффикса “ло”, который образует существенные вроде “бухло” и “фуфло”. Не рано ли призывать склонный к такому словообразованию народ под знамена демократии и прогресса?» [Пелевин 2005: 56-58; 64-65].

Все сказанное позволяет понять: совокупность порождаемых криптолингвистических текстов – это поиск культурной идентичности и проявление игры политического воображения, это рефлексия над прежде неосознанными

представлениями о себе, что верно как для индивидуальной, так и для коллективной жизни. Это попытка, как считал Ян Ассман, обрести, наконец, формы коллективного самопредставления и самовыражения, в которой основную роль играет культурное «воспоминание» [Ассман 2004: 139].

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Асадемия, 2002. 280 с.

Алпатов В.М. Актуально ли учение Марра? // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 3-15.

Антология феноменологической философии в России: В 3 т. Т. 1. – М.: Гнозис, 1998. 512 с.

Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Базылев В.Н. От парадигм-маргиналий к парадигмам-доминантам в современной лингвистике (лингвосинергетика, палеонтология языка, кондициональная лингвистика) // Лингвистика на рубеже эпох: доминанты и маргиналии: сб. статей [Под ред. О.А. Сулеймановой]. – М.: МПГУ, 2004. С. 45-77.

Базылев В.Н. А. Авдеенко. Над Тиссой. Комментарий // Текст и комментарий – 4: Материалы постоянно действующего семинара проблемной группы «Сублогический анализ языка» [Под ред. В.Н. Базылева] – М.: МАКС-Пресс, 2005. С. 13-33.

Базылев В.Н. Общее языкознание. – М.: Гардарики, 2007. 285 с.

Бибихин В.В. Слово и событие. – М.: Едиториал УРСС, 2001. 280 с.

Богданов К. От пероэлементов Н.Я. Марра к мичуринским яблокам // Абсурд и вокруг: Сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 335-344.

Бонч-Осмоловская Т.Б. Введение в литературу формальных ограничений. Литература формы и игры от античности до наших дней. – Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2009. 560 с.

Борисов С.В. «Человек философствующий»: исследование современных моделей философской пропедевтики. – М.: ПЭР СЭ, 2005. 240 с.

Брокмейер И., Харе Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 42-56.

Бычков А.А. Киевская Русь. Страна, которой не было?: легенды и мифы. – М.: Из-во «Олимп», 2006. 443 с.

Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991-2005 гг. – Красноярск: Красноярский краевой фонд науки, 2008. 176 с.

Вашкевич Н.Н. Симия: раскрытие смысла слов, поступков, явлений: Учебник для начинающих. – М.: Белые альвы, 2002. 144 с.

Велесова книга. Перевод и комментарий А.И.Асова. – М.: Менеджер, 1995. 320 с.

Гайн-улла Ф.Шайхив. Менталингвистика. – Казань: Из-во «Мастер Лайн», 1998. 164 с.

Гаспаров Б.М. Ламарк, Шеллинг, Марр (стихотворение «Ламарк» в контексте «переломной» эпо-

- хи) // Б.М. Гаспаров. Литературные лейтмотивы. – М.: Наука, 1993. С. 190-207.
- Голубев И.А. Слава славянскому слову, или Путешествие по глубинам русского языка: поэма о кернах. – М.: Наталис, 2007. 424 с.
- Гриневиц Г.С. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. – М.: Общественная польза, 1993. 328 с.
- Дмитриенко А. Памятники слогового письма древних славян: Этрусские надписи, Фестский диск, Линейное письмо А и Б. – М.: Белые альвы, 2001. 224 с.
- Драгункин А., Образцов А. В начале было слово. Русское. – СПб.: Издательский дом «Андрa», 2005. 384 с.
- Жижек С. 13 эссе о Ленине. – М.: Ad Marginem, 2003. 250 с.
- Жовтис А.Л. Непридуманнные анекдоты. Из советского прошлого. – М., 1995. 152 с.
- Зализняк А.А. Лингвистика по А.Т. Фоменко // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 33-68
- Касавин И.Т. Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания. – М.: Из-во «Политическая литература», 1990. 464 с.
- Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб.: РХГИ, 1998. 408 с.
- Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: «Канон+», 2008. 544 с.
- Кассирер Э. Естественнонаучные понятия и понятия культуры // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 180-192.
- Кларин М.В. Инновационные модели в зарубежных педагогических поисках. – М.: Высшая школа, 1994. 140 с.
- Колегов А.В. Русварианты. – СПб.: Умная планета, 2006. 128 с.
- Колпаков В.В., Колпаков Г. (Ю.) Д. Звуковая лингвистика для всех. О смысле звуков, букв и слов человеческой речи. – М.: Издательское содружество «Э.РА», 2002. 128 с.
- Корелин А.Н. Тайный смысл слогов русского языка. – М.: Издательский дом «РА», 2008. 128 с.
- Кутти Б. Запретное знание: парадокс сверхъестественного. – М.: ИНИОН РАН, 1990. 26 с.
- Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 296 с.
- Март Н.Я. Яфетические зори на украинском хуторе // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. – М.: Academia, 2001. С. 220-272
- Меликов В.В. Введение в текстологию традиционных культур. – М.РГГУ, 1999. 304 с.
- Мерло-Понти М. Знаки. – М.: Искусство, 2001. 432 с.
- Налимов В.В. Вероятностная модель языка. – М.: Наука, 1979. 382 с.
- Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии? – М.: Из-во «Олимп», 2000. 608 с.
- Паперный В. «Культура два». – М.: Новое литературное обозрение, 1996. 382 с.
- Пелевин В. Амфир «В». – М.: Из-во «Эксмо», 2005. 416 с.
- Писанов Л.П., Писанов В.Л. Тайный код русской речи. Трактат о первобытном языке славян. – Челябинск: ООО «Труд-Регион», 2008. – 288 с.
- Плешанов А.Д. Русский алфавит – код общения человека с космосом. – М.: Новый центр, 2002. 174 с.
- Против буржуазной контрабанды в языкознании. Сборник бригады Института языка и мышления АН СССР [Под ред. Б. Аптекаря]. – Л.: ГАИМК, 1932. 168 с.
- Серио П. От любви к языку до смерти языка// Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 118-123.
- Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века// Язык и наука конца 20 века: Сб. статей [Под ред. Ю.С. Степанова]. – М.: РГГУ, 1995. С. 7-34.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры: Алфавит и алфавитные тексты в периоды двоеверия. – М.: Наука, 1993. 158 с.
- Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 240 с.
- Чудинов В.А. Двести тысяч лет до нашей эры// «Российская газета». 19 июня 2008 г. № 130 (4687) С. 20-21.
- Шварцкопф Ф. Метаморфоза данного: на пути к созданию экологии сознания. – М.: Идея-Пресс, 2000. 232 с.
- Шкуратов В.А. Историческая психология. – М.: Смысл, 1997. 505 с.
- Эльдемуров Ф.П. Алфавитно-символическое Таро России. – М.: Центр астрологических исследований, 1995. 120 с.
- Ruyer R. L'utopie et les utopistes. – Paris: Garamond, 1950. 160 с.

© Базылев В.Н., 2009